

Эли
Фрей

Дурные
Дороги

Эли Фрей
Дурные дороги
Серия «Интернет-
бестселлеры Эли Фрей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42754786

*Дурные дороги:
ISBN 978-5-17-116547-5*

Аннотация

Однажды я совершила страшное преступление. И когда правда вскроется, человек, который поклялся мне в любви, будет мечтать о моей смерти. У меня останется только один выход – сбежать из дома, забраться в вагон товарного поезда и отправиться по дурным дорогам прочь от прошлого.

Это роуд-стори о пятнадцатилетней бунтарке, которой всегда приходится убегать – от полиции, банды, любви и смерти, собственных воспоминаний и спущенных с цепи бойцовых псов. Она хочет начать новую жизнь, но судьба снова ведет ее дурными дорогами. Прошлое все равно настигнет, и придется платить.

Это честная и дерзкая история о поиске себя, настоящей дружбе и трагедиях взросления. Дороги и панк-рок, романтика грузовых поездов, ветер в волосах и слишком позднее осознание, что цена свободы – человеческая жизнь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	42
Глава 4	54
Глава 5	74
Глава 6	93
Глава 7	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Эли Фрей

Дурные дороги

*Тем, кто устал верить, что Рональд
Макдональд любит детей.*

© Э. Фрей, 2019

© Е. Ферез, дизайн обложки, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

2002 год

«Гольфы, юбка, каждый день по тюремному распорядку... Все достало! А особенно — быть девчонкой. Нужно срочно устроить бунт!»

Так подумала я, однажды проснувшись, и в тот же день нарисовала огромный ярко-красный знак Анархии. Он занял все парадное окно моего закрытого женского пансиона.

Когда меня вызвали «на ковер», я попыталась абстрагироваться от всего мира. Завороженно наблюдала, как между шевелящихся на помаженных губ директрисы растягивалась и сжималась мерзкая тоненькая слюнка. Директриса говорила — слишком много слов! Можно было и покороче объяснить суть, которая сводилась к тому, что я — инфантильная неудачница, обреченная на бессмысленную и убогую жизнь, гнилой огрызок посреди цветочной клумбы. Я не делала ничего, только все портила и отравляла. До конца своих дней я буду всем обузой. Позор своей школы и позор своих родителей.

Я молча вытирала с себя слюни, которыми меня щедро окатывала директриса. Меня не сильно задевали ее оскорбления, я привыкла. Просто старалась не пропускать словесное дерьмо внутрь себя, и это мне легко удавалось — все приходит с опытом.

– Может, закончите уже, а? — Мне наконец надоел этот пустопорожний блев. — У вас что, других дел нет? Мне ваша болтовня по барабану. А у вас, я знаю, более приятное дело есть. С Петром Григорычем.

В пансионе я была кем-то вроде человека-паука, который умел лазить по стенам и видел каждый пятничный трах директрисы с физруком.

– Так давайте мирно разойдемся и продолжим заниматься своими приятными делами?

Я специально говорила так, как, по мнению большинства, должны говорить все трудные подростки, и для пущего эффекта катала во рту жвачку. Знаете, а я ведь всегда подстраивалась под эти стереотипы, — будто однажды кучка взрослых села за круглый стол и после долгого обсуждения составила их детальный список. И вот список под заголовком «Какими должны быть трудные подростки?» попал мне в руки, и я стала строить свою жизнь по нему.

Директриса, набравшая в грудь побольше воздуха, чтобы изрыгнуть очередной поток блева, от моих слов сдулась и теперь напоминала спущенный дирижабль.

– Савельева, что за чушь ты несешь? И как ты смеешь говорить с директором в таком тоне?!

Но по багровому лицу и бегающему взгляду было ясно, что она в шоке от того, что в тайну пятничных трахов посвящен третий лишний. Директриса всосала воздух, как пылесос, и опять разразилась гневной тирадой: стала кричать что-

то о родителях и исключении. По ее лбу текли струйки пота.

Исключение? Боже, я мечтала об этом! Я угодила в эту «тюрьму» по прихоти дедушки-военного, который пристроил меня сюда по блату. Когда дедушка умер, я подумала, что наконец-то кончится ад, ведь папа не сможет оплачивать мое обучение. Но не тут-то было, по договору я могла учиться до конца на бесплатной основе. Пришлось приложить усилия, открыть в себе художника, и — вуаля! — меня исключают!

Час моей казни настал вечером, когда приехали родители. С кирпичной мордой папа молча пережевывал гнев. Мама стояла за его спиной, опустив грустные глаза в пол.

— ...Разрисовала всю блузку сатанинскими знаками... — говорила директриса.

(Это всего лишь знак анархии, а не пентаграмма.)

— ...Называет учителей чернью...

(На правду не обижаются.)

— ...Включает на всю громкость свою вульгарную и пошлую музыку, не дает спать порядочным девочкам...

(Это «Красная плесень», у вас просто туговато с юмором, Галина Алексеевна, а ваши «порядочные девочки», между прочим, частенько по ночам устраивают мне темную: стаскивают с кровати, накидывают сверху одеяло и нещадно бьют ногами.)

— ...Портит имущество пансиона...

(Да-да, это о разрисованном окне. У вас отсутствует художественный вкус, Галина Алексеевна. И вы всегда говорили,

что надо поощрять детское творчество.)

— ...Ты же девочка, ты не должна...

Пока она перечисляла, чего не должны делать девочки, я задумалась о том, что за всю жизнь «ты-же-девочек» услышала больше, чем израсходовала рулонов туалетной бумаги, и стала вести подсчет: а сколько действительно рулонов бумаги у меня ушло за все мои пятнадцать лет? Папа, прежде походивший на немую гранитную плиту, вдруг вклепил мне увесистую затрещину.

Черт, он меня сбил... Триста или четыреста рулонов? У меня чуть башка не треснула.

Я снова занялась подсчетом.

Конечно, он задел меня. Не просто задел, а убил. В сотый раз.

Если в день я трачу примерно полтора метра бумаги в зависимости от соотношения «больших» и «маленьких» дел...

Волна обиды нарастала грохочущей волной.

Длина рулона около двадцати метров...

Даже если за всю жизнь ты получил тысячу отцовских затрещин, ты не оброс толстой шкурой.

Двадцать семь рулонов за год, а за пятнадцать...

К родительским побоям невозможно привыкнуть даже через десять тысяч ударов. Каждый раз — как впервые.

...Получается чуть больше чем четыреста рулонов.

Директриса, минуту назад говорившая что-то вроде: «У нас пансион для прилежных воспитанниц, сожалею, но мы не

можем больше содержать вашу дочь здесь, она подает дурной пример», заткнулась и посмотрела на папу круглыми от ужаса глазами. Да, знаю, семейка у нас та еще.

В комнате, собирая вещи, я заодно прихватила чей-то телефон с соседней тумбочки. Выйдя на улицу, покатила чемодан по бугристой плитке, и грохот колесиков перебивал громоподобный голос отца за спиной:

— Как ты могла? Позоришь нас! Мы все для тебя делаем, за учебу твою платим, чтобы человека из тебя сделать, а ты...

— Постой-ка, папа. Ты не платишь ни рубля, это раз. Вы отправили меня сюда не для того, чтобы сделать из меня человека, а для того чтобы избавиться от меня, — это два! Вы же мечтали всех детей выселить куда-нибудь, чтобы уединяться и трахаться в свое удовольствие! — бросила я через плечо, а в качестве кульминации выдула огромный жвачный пузырь, который лопнул с громким чпоком.

Я быстрее пошла вперед, к воротам. По дороге я считала плитки под ногами — отдельно желтые, отдельно серые.

— Как ты с нами разговариваешь? — рявкнул отец. — Воспитали неблагодарную сволочь жопорылую! Да по тебе военная школа плачет!

Я сбилась. Подсчет опять не получился. Плиток каждого цвета оказалось больше пятидесяти, но это все, на что был способен мой мозг.

Сердито бросив в багажник машины чемодан, я плюхнулась на заднее сиденье и, включив плеер, на три часа ушла

в мир музыки.

Я радовалась, что навсегда уехала из этого ада.

Днище — гласила надпись на покореженном указателе, в который, судя по виду, неоднократно вписывались лихие, но не очень способные водители. Добрые люди черной краской, зачеркнув букву «ц», приписали сверху «щ».

Да. Я жила в городе, о существовании которого Бог забыл или даже не подозревает.

Находится он в области, в ста километрах от Москвы. А кого в советское время высылали за сто первый километр? Правильно. Бывших эков, алкашей, попрошайек и прочие асоциальные элементы. Так что во мне, коренной дни-щ-щенке, течет благородная асоциальная кровь.

На автобусной остановке спал бомж. На ржавой стене виднелась кривая зловещая надпись:

Твой автобус никогда не приедет.

Мы свернули с дороги и въехали в наш двор. Серое блочное здание, редкие деревья, унылая детская площадка. Дом, милый дом.

В детской родители уже перетасили в мой уголок раскладное кресло Славика. Не здороваясь ни с сестрами, ни с братом, я молча схватила его и покатила в коридор. Сидящий на полу Славик оторвался от увлекательной игры в гонки тапками и вытаращился на меня.

— Что ты делаешь? — возмутилась мама.

— Он не будет спать тут. Тут уже нет места. Я живу в этом

доме и имею полное право хотя бы на два квадратных метра личного пространства. *Это*, — показала я на Славика, — плод *вашей* любви, вот и забирайте его *в свою* спальню.

Я решительно откатила кресло в комнату родителей, отнесла туда же и самого Славика, который до сих пор держал в руках тапки, а потом — его игрушки. Отца не было, он ставил машину в гараж, и мне противостояла только мама. Темпераментом и напором я ее превосходила, так что квартирную битву по завоеванию квадратных метров выиграла с легкостью. Я вошла в детскую и, чувствуя себя Александром Невским после победы над шведами, гордо поставила на освобожденное место свой чемодан, будто флаг завоевателя.

* * *

Табуретка. Стол. Клеенка с синими ромашками. Стакан. Шорох разрываемой бумаги. Плеск таблетки, упавшей в воду. Шипение.

Вверх поплыли оранжевые пузырьки.

Где-то далеко — звон бьющегося зеркала, папин рев, Олькин плач и перекрикивающий их телевизор:

В Вилларибо уже давно продолжается праздник, а жители Виллабаджо все еще моют посуду.

Бум! Бум! Бум!

Это Славик бился башкой об открытую дверцу морозил-

ки.

Бах!

В меня полетела замороженная курица.

— Я хочу куриные палочки! Где мои палочки?! — орал младший брат, доставая из морозилки все подряд и разбрасывая во все стороны.

Шелест веника по полу. Свист чайника. Шипение убегающего молока.

Куриные палочки из ножек Буша, обколотых антибиотиками и гормонами и вымоченных в хлоре. Приятного аппетита.

Плюх! В стакан полетела еще одна таблетка. Цвет воды стал кислотно-оранжевым.

Пузырьки уверенно плыли на поверхность, зная, что там выход. Черт, даже гребанные пузырьки газа знали, где выход, а я нет.

В комнате — громкий Катин вопль:

— Ма-а-ам!! Славик нассал в стаканчик для карандашей, теперь они все мокрые и воняют!

Запах химического апельсина и подгорелого молока.

Бум! Бум! Бах!

— Где мои палочки? Я хочу их сейчас же! Даша, мандакрылая ты наседка, где мои палочки из курей??

Я залпом выпила витамин С, представляя, что это яд.

Невозможно больше находиться в этом дурдоме.

Вернувшись в комнату, я взяла с тумбочки украденный

из пансиона телефон, засунула его в лифчик, а затем решительно вышла в окно. Никто не заметил. Даже если я встану в центре квартиры с пистолетом в руках и выстрелю себе в висок, они не заметят. Здесь каждый всегда занят только собой.

Зацепившись за толстую ветвь дерева, я перебралась к стволу и ловко, как обезьяна, спустилась. На мне все еще была школьная форма — клетчатая юбка и блузка. Ну и плевать. Я спрыгнула на землю и побежала к Тошке, в соседний дом.

Тошка (он же Тотошка и он же Антон, но полным именем я его никогда не звала) — мой лучший друг. Мы ровесники. В жизни ему повезло больше, чем мне, потому что он: а) жил в огромной трешке, б) был единственным ребенком в семье, в) не учился в дурацком пансионе.

Я зашла в подъезд и нажала на кнопку звонка квартиры на первом этаже.

Друг открыл дверь. Я не видела его с января. Родители забирали меня из пансиона только два раза в год — на зимние и летние каникулы. За месяцы, что мы не виделись, он немного подрос. На лице блуждала такая любимая кривоватая улыбка. Глаза-угольки смотрели растерянно, будто не узнавали; черные брови удивленно приподнялись.

– Тошка! — закричала я и бросилась его обнимать. — Я так соскучилась. Господи, когда ты подстрижешься? Твои волосы уже выросли в уши.

Я теребила неаккуратные лохмы, вдыхала их родной запах. Они пахли жареной картошкой, мазутом и железнодо-
рожной смазкой — наверное, Тошка, как всегда, катался на
зацепе.

— Сова! Я думал, тебя выпустят через месяц! — Он неук-
люже обнял меня в ответ. Его голос был неровным, ломался.

— Из-за некоторых обстоятельств получила досрочное
освобождение, — хихикнула я. — Попозже расскажу.

Кинув на тумбочку украденный телефон, я сбросила ке-
ды и по-хозяйски прошла в квартиру. В ванной достала из
шкафчика машинку для стрижки волос. Я столько раз ноче-
вала у Тотошки, что знала, где здесь что лежит. У каждой
вещи было свое место, из года в год оно не менялось.

— На, держи. Сейчас будешь меня стричь.

— Чего? Это зачем?

Я посмотрела в зеркало. Мои светлые волосы отросли до
лопаток. В пансионе запрещалось коротко стричься, и у всех
девочек должны были быть строгие прически, никаких экс-
периментов. Но теперь мне можно все!

— Моя внутренняя свобода рвется наружу. Ее угнетали во-
семь лет, хватит. Так что стриги. — Я поставила в центр ван-
ной корзину для белья, села сверху. — Да не ссы ты. Ты же
папу стрижешь своего, у тебя все получится!

— Савельева, ты меня пугаешь. Может, не надо?

— Надо, Тотошка, надо! Мне жизненно необходимо устро-
ить бунт устоявшемуся распорядку своей жизни, иначе я

умру. Ты же не хочешь моей смерти? — Он покачал головой. — Поэтому стриги.

— Сегодня пятнадцатое мая, сатанинская луна, а стгичь волосы в сатанинскую луну нельзя, а то станешь дегенегатом, так мама говогит.

Я улыбнулась, услышав такой любимый картавый выговор.

— Тотош, *я восемь лет* изучала краеведение и латынь, *я уже* стала дегенератом, и сатанинская луна мне не страшна!

— У тебя ногмальные волосы, — вздохнул Тошка.

— Нормальные, ненормальные — не в этом дело.

— И сатанинская луна...

— Луну в зад себе запихай. Хватит тут ля-ля! Стриги, говорю!

Друг включил машинку и провел ею по моей голове. Срезанные волосы защекотали спину. По телу пробежали мурашки — ощущение непривычное, но мне это нравилось! Тошка срезал полосу за полосой. Он сработал профессионально: сверху — оставил под двадцать миллиметров, с боков и сзади — совсем коротко. Я теребила ежик и не могла налюбоваться своим отражением.

— Ух ты! А у меня, оказывается, красивая форма черепа! Ну как я тебе?

Встав, я отряхнулась и покружилась перед Тотошкой. Он посмотрел на меня хмуро.

— Не знаю... Непгивычно...

– Ничего, привыкнешь. Ну что, пойдем на улицу?

– Пойдем!

– Слушай, дай мне из одежды что-нибудь приличное. В этом сраме не пойду. — Я показала на школьную форму. — Да и на него у меня другие планы.

Тотошка ушел в комнату, вскоре вернулся и протянул мне шорты и футболку. У меня были примерно такие же, помню, как вместе на рынке закупались летними шмотками. После убогих школьных юбок на каникулах я ничего, кроме мальчишеской одежды, не признавала. Достало все! Достало быть девчонкой! Родиться девчонкой — хуже, чем оказаться в аду.

Переодевшись, я глянула в зеркало. Во мне пробудилось новое незнакомое чувство: вроде отражение мое, а вроде и нет. Странно. Это волновало и немного пугало. Я удовлетворенно улыбнулась своему двойнику. Теперь меня не отличишь от мальчишки.

Что вызвало этот спонтанный порыв — вдруг так радикально перевоплотиться? Наверное, внутренний бунт и несогласие с окружающим миром, который злобно и назойливо стучит тебе по голове. *Ты же девочка. Надень платье. Улыбайся. Сдвинь ноги. Не плюйся. Не ругайся. Причешись. Не балуйся. Сядь в уголке и посиди тихо. Ты ведешь себя безобразно, как мальчишка. Ты не должна этого делать, потому что ты — девочка.*

Прежде я и не видела жизни: слишком много времени

провела в стенах пансиона. Там нам не разрешали практически ничего... Но отныне запретов больше не было, и мне хотелось пуститься во все тяжкие. Столько лет из меня пытались кого-то лепить! Родители — идеальную дочь, воспитатели — идеальную ученицу. Но как можно вылепить кого-то из человека, который сам не знает, кто он? Вот и я не знала. Кто я, чего я хочу, какая я? Кого должна любить? Кого ненавидеть? Как должна выглядеть? Во мне бурлил вулкан. Причину этого я не понимала, но новый образ мне чертовски понравился. Я стала тем, кем мир хочет видеть меня меньше всего, что может быть лучше? Я начала свою игру, которая впоследствии переросла в нечто большее...

— Смотри, что у меня есть! — Я помахала перед носом Тошки украденным Nokia 3510i. — Надо продать!

Телефон был на вид совсем новый, дорогой, навороченный, с полифонией, цветным экраном и всеми приблудами.

— Ух ты! Откуда?

— Компенсация за мои расшатанные нервы. Не думаю, что кто-нибудь обидится. Пойдем впарим кому-нибудь. Но сначала нужно сделать одно дело.

* * *

— Может, не надо? — Тошка с сомнением посмотрел на кучу одежды на земле перед нами. Мы стояли на пустыре за домом, я лила ацетон на свою форму.

— Надо. Никогда больше не вернусь туда. Сдохну, но не вернусь.

Я подожгла спичку и бросила, а потом долго любовалась, как огонь пожирает ненавистное тряпье, как горят рукава блузки, как сворачивается синтетическая ткань юбки. Белая блузка, красная юбка в коричневую клетку, красная жилетка. Каждый день на протяжении восьми лет — одно и то же. Не верилось, что это конец. Я дождалась, пока остался один пепел, и яростно его растоптала.

— Ну ты звегюга, Сова. — Тошка с испугом покосился на меня. — Неужели все было так плохо?

— Хуже, чем ты можешь представить. Хуже, чем в твоём самом страшном кошмаре.

Мы ушли с пустыря и направились к спортивной площадке.

— Парни, вам телефон не нужен? За треху отдам, — спросила я у качков и показала свою добычу.

Парни обступили нас, повертели мобильник в руках.

— Крутой! Но не, нам не нужен, — сказал один качок и обратился к другому: — Слушай, вроде Бык такой вот хотел, да?

— Ага, такой же ищет.

— Пацаны, а вы предложите Быку, вряд ли за треху возьмет, но за двуху точно прям сразу.

Я приободрилась. Во-первых, потому что меня называли пацаном, а во-вторых, деньги были на нуле. Я бы согласилась

даже на двуху, если бы бабки мне отдали сегодня.

— И как искать этого вашего Быка?

— Он где-то возле ДК тусует.

— Это там, где панки?

— Ага, он из них.

— Ладно, пойдем искать Быка.

Панков мы нашли быстро, их место тусовки не менялось. Они всегда сидели либо на ступеньках заброшенного ДК, либо в лесопарке прямо за ним, на заброшенной автобусной остановке. В этот раз панки тусовались у ДК. Мы подошли к компании из пяти человек, устроившейся на каменных блясынах.

— Здогово, — первым заговорил Тотошка. — Пагни, как нам Быка найти?

— А зачем вам Бык? — Здоровяк в косухе нахмурил крутой лоб.

— Мы от Власова, — вспомнила я фамилию качка со спортплощадки. — Он сказал, Бык трубу такую ищет. У нас как раз есть. Почти новый. За треху отдадим.

Здоровяк слез с насеста, выхватил мобильник, повертел в руках, понажимал кнопки.

— За треху не куплю, но за две могу.

Так вот он какой, Бык. Кличка ему подходит. Он действительно крупный, как бык, и лоб такой же огромный и выпуклый.

— Давай за две пятьсот, за меньше не продам!

Он недовольно глянул на меня, но кивнул.

— Ладно, давай за две пятьсот.

Вообще, я слышала, вроде его Колян зовут, а Быков — фамилия. Отсюда и кличка.

— Скоро вернусь, — сказал он своим и махнул нам рукой.

Мы пошли с Быком к его дому. Подождали на улице, и вскоре панк вышел. Он протянул нам деньги, мы отдали ему трубу.

— А правда, что... — начала я, когда Бык развернулся, чтобы уйти.

— Что — правда? — недовольно бросил он через плечо.

— ...что чтобы стать панком, нужно сожрать собственную блевотину?

Тотошка одернул меня на середине предложения, но я все же договорила.

— Чего?? — Рассвирепевший Бык дернулся в нашу сторону. Мы испуганно попятились. — Слышь, пацан, я сегодня добрый, но если через три секунды ты не свалишь, последнее, что ты услышишь в этой жизни, — как камень ломает твою дурацкую башку!

Бык пнул здоровенный булыжник.

— Понял, — сказала я. — Сматываемся!

Через три секунды мы скрылись за углом.

— Мы теперь богачи! — смеялась я.

По дороге на станцию мы купили по шаурме. Сытые и довольные, забрались под платформу у последнего вагона, жда-

ли «собаку» — электричку то есть. Мы с Тотошкой — зацеперы. Да, это те самые придурки, которые обычно облепляют составы снаружи, как рой мух — труп. Имбицилы, которые бегают по крышам движущихся поездов, регулярно падают, ломают позвоночники, становятся инвалидами илидохнут, поджариваясь от токоприемников. Так о нас говорят.

Мы познакомились с Тотошкой четыре года назад. Тогда я впервые решила сбежать из дома (об этом расскажу попозже), забралась под платформу в этом самом месте, ждала электричку. Здесь я и встретила Тотошку, который уже полгода, как был зацепером. Так началась наша дружба. Зацепинг стал нашим общим увлечением и даже больше, чем увлечением. Зацепинг для нас был прямой и острой приправой, которая придавала пресному и несъедобному блюду под названием «жизнь в *Днище*» неповторимый вкус.

Мы слышали стрекот в проводах, и вскоре к станции подъехала эрдашка. Заглянув в окна заднекабинника и убедившись, что помогалы нет, мы быстро забрались по метельнику. Я встала на сцепку и схватилась за перекладины, Тошка стоял справа от меня. Электричка отъехала. Следующая остановка — Локотки, до нее ехать аж десять минут.

Перебравшись к левому краю торца вагона, я отклонилась вбок и подставила лицо ветру. Скорость. Ладони, впивающиеся в холодные перекладины. Риск. Запах железа. И пьянящий вкус такой запретной свободы. Воистину прекрасен мир зацепера.

— Погнали на рынок? — спросила я друга, когда электричка остановилась в Локотках. Тошка кивнул, и мы спрыгнули с зацепа.

Прямо у станции вдоль дороги на грязных картонках широко растянулся блошинный рынок, где продавали всякую всячину: потрепанные книжки, запчасти, старинные украшения, медали, советские фотоаппараты и игрушки, музыкальные пластинки... я любила это место. Запах дымчатый, землистый. Здесь пахло чердаком — пыльной тканью, кожей, старинными книжными переплетами, деревом и нафталином. Пару лет назад тут обнаружился гребень, который принадлежал какой-то королеве, то ли Елизавете, то ли Екатерине. Рынок даже в новостях показывали — это был единственный случай, когда наш славный город Днище попал в эфир федерального канала по приятному поводу, а не потому, что кто-то сжег здание администрации или за ночь украл двести метров действующий железной дороги.

На этом же рынке я однажды купила свитер, как у Данилы Багрова. Я спала в нем круглые сутки, нежно прижимая к груди черно-белую фотографию героя, вырезанную из Программы телепередач, и блокнот, весь исписанный цитатами из фильма. Через пару лет Пчела из «Бригады» ненадолго потеснит Данилу с почетного первого места в моем сердечке, но этот внезапный порыв быстро затухнет, и Данила вернется на свой пьедестал.

Я шла медленно, мне хотелось рассмотреть все как следу-

ет. Глубоко дышала, впитывала запах чужих историй.

За блошиным рынком — палатки с овощами, а за ними — уже лавки со шмотками. Мы шли туда, мне нужны были новые кроссовки, а то у моих уже до дыр стерлись подошвы, просвечивали носки. Я присматривала кеды, но тут... увидела по соседству нечто прекрасное — палатку с «гадами». Я переметнулась к ней и долго разглядывала камелоты, гриндера и мартинсы. Ох, как застучало сердце. Я облизнулась и прикусила губу — так сильно захотелось купить «гады». Всегда о них мечтала, но никогда не было денег... а сейчас в кармане — два косаря. Не хватит на мартинсы и гриндера, зато на камелоты — вполне.

– Тридцать шестой есть? — спросила я у продавщицы.

– Нет, только с тридцать восьмого.

– Эх, ну давайте тридцать восьмой...

Всю дорогу обратно я шла с опущенной головой, никак не могла наглядеться на свои «гады». У меня настоящие камелоты! Тяжеленные, с железной вставкой в носке, на огромной подошве. Да я же теперь только и буду искать грязь, чтобы *оставить свой след* и хорошенько рассмотреть его. А еще — я видела, так делают все наши панки, — буду пинать бутылки до звона битого стекла. БАМ! — Не заметив столб, я врезалась в него. Тотошка согнулся пополам от хохота.

– Что ты ржешь, придурок? Больно же! — Я потеряла ушибленный лоб.

Вечером мы опустошили кондитерский магазин, накупив сладостей, и ушли на детскую площадку в Тошкином дворе. Обожрались вкусняшек, а потом вращались на круглой карусели. Раскрутив себя за руль в центре, мы укатались до того, что все съеденные сладости грозились вырваться на свободу. Мы еще больше ускорились, отпустили руки. По инерции нас выбросило с карусели. Тотошка упал на крапиву, а я — на Тотошку. Смеялись до колик в животе.

— Эй, Тох, это же вы сегодня с телефоном таскались? — К нам подошел Власов, сегодняшней качок, которому мы пытались сначала продать телефон.

— Ага, — сказал Тотошка. — А что?

Я напряглась. Начало разговора мне не нравилось. Таскались, продали и забыли. Зачем вспоминать? Очевидно, что-то пошло не так...

— Да чуваков из дэкашных встретил. Говорят, Бык взбесился, орет и по всем районам ищет мелкого пацана, который впарил ему неработающее говно.

Я испуганно сглотнула и посмотрела снизу вверх.

— Как — неработающий? Сегодня работал!

Власов пожал плечами.

— Не в курсе, что там когда работало, просто говорю, чуваки сказали, Бык пеной брызжет. Обещал затолкать этот теле-

фон в задницу малолетнему ублюдку, который ему его втюхал. Спрашивали меня, что за парни. Я вас не сдал. Он не знает, где вы живете.

Власов улыбнулся.

— Спасибо, — мрачно сказала я. — С нас пачка сиг.

— Две, — шире улыбнулся Власов. — «Винстон» красный. Желательно сегодня-завтра. А послезавтра, парни, вы — трупы, если не вернете ему деньги. Если Бык в такой ярости, я вам не завижую.

Когда он ушел, мы испуганно переглянулись.

— Он работал! Все было нормально утром... Что же такое с трубой... Денег Быка больше нет. Что делать? — растерянно сказала я.

Тошка посмотрел на мои камелоты.

— Нет уж! — Я поджала ноги. Одну подтянула совсем близко и взяла ступню в руки, стала баюкать, как младенца. — Камелоты я не верну!

— Тогда будем убегать, как обычно, — сказал Тотошка. — Что, пегвый раз, что ли? Не ссы, пгогвемся!

Неприятно засосало под ложечкой.

— Тошк, мне срочно нужно успокоиться. Расскажи что-нибудь забавное.

— Но я ничего не знаю.

— Скажи: все бобры добры для своих бобрят.

— Не буду. Я тебе что, домашний пудель, чтобы команды выполнять?

— Ну, скажи. Ну пли-и-из! Ну сильвупле, ну порфавор!

— Ну, хогошо. Все бобгы добгы для своих бобгят. Довольна?

— Ага, — хихикнула я. Эта игра мне никогда не надоеет.

— Пошли по домам, Сова. И не ссы, выпутаемся.

Голос у Тотошки был бодрый, понятное дело: не в его задницу обещали затолкать неработающий телефон.

Войдя в комнату, я обрадовалась: Славика назад не перетасили. Значит, папа смирился с моей победой. Олька с Катькой, две ленивые жопы, валялись по кроватям с книжками и мисками конфет. Когда я шла в свой угол, никто и головы не повернул в мою сторону. Они не видели меня полгода и даже не спросили, как мои дела. Не сказали ничего по поводу новой прически. Сестринских чувств между нами — как высер воробья.

Вдруг Олька оторвалась от книжки и уставилась на меня.

— Я сегодня ходила в магазин и видела тебя на зацепе.

Сестра смотрела выжидающе. Я тяжело вздохнула, достала из кармана смятые деньги, отсчитала два чирика и кинула на ее кровать.

— Такса повысилась. Теперь — полтинник. — Олька нагло улыбнулась.

Я отсчитала мелочь и бросила ей. Она жадно сгребла деньги, убрала в свою копилку и вернулась к книжке. На этом наше общение закончилось.

С сестрами я всегда держалась отстраненно, разговоров

по душам между нами не было. С Катькой отношения еще более-менее: отцу на меня она не доносит, по крайней мере. Но Катя совсем еще малявка, да и пассивная она какая-то, ни рыба, ни мясо, ни гулять, ни играть не любит, возиться с ней скучно. А Оляка — то еще трепло, чуть что, сразу бежит на меня ябедничать. Отец меня наказывает, а потом я, когда родителей дома нет, гоняюсь за Олькой по всей квартире, валю с ног, накидываю на нее одеяло и нещадно луплю — пансион научил меня некоторым приемчикам. Ольке все по барабану, кроме книжек и конфет. Скоро ее жопа будет размером с Россию на настенной карте.

Конечно, может, это моя вина: я никогда не пыталась сблизиться, и ни Оляка, ни Катка просто не знали, что это такое — когда тебя любит сестра. Но я не могу любить тех, с кем вынуждена делить мои законные квадратные метры. Я хочу свою комнату больше всего на свете. Иметь личное пространство — естественное желание любого человека. Были бы на меня одну просторные хоромы — и я любила бы весь мир.

Я повалилась на кровать прямо в новых «гадах». Навязчиво думалось о Быке. Он искал меня. Вид у него был суровый, такие не бросают дело на полпути. Кажется, я ходячий труп, жить мне осталось недолго. Перед сном я просчитала варианты, нашла два. Взять денег в долг и вернуть Быку две с половиной тысячи за сломанный телефон — и тогда я еще поживу. Но взять не у кого, список потенциальных кредито-

ров короткий, и вряд ли кто-то сможет дать такую сумму. Обзвоню всех утром. Второй вариант Тотошкин — убегать, если наткнемся на Быка. Завтра купим Власову сигареты, и он не сдаст нас.

С тревожными мыслями я заснула.

Глава 2

— Маш, привет. Как дела? Как лето проводишь?

Это был уже четвертый звонок. Я ходила по комнате, одним ухом вяло слушала ответ Машки, дочери родительских знакомых, а другим — мамины причитания по поводу моей новой прически. Потом, отойдя от мамы, я тихо задала в трубку вопрос:

— Слушай, у тебя не будет в долг две тысячи? Верну через неделю. Нет? Жалко. А у родителей не можешь взять? Ну ладно, ничего, выкручусь как-нибудь, пока.

Я кинула телефон на кровать. Все, это последний человек в моем списке. Остался один вариант — не попадаться Быку на глаза какое-то время. Например, всю оставшуюся жизнь.

Утро я провела в делах: разбирала чемодан, стирала вещи. Мама послала меня и Ольку в магазин за яйцами, молоком и помидорами, но Ольга, падла, отмазалась плохим самочувствием, и я пошла одна. На улице я испуганно озиралась. Теперь я жалела, что обрезала волосы. Может, Тотошка их еще не выкинул и можно как-то склеить и сделать парик? Бык-то знал меня как пацана, в девчачьем облике вряд ли прицепится. Но без парика шансов замаскироваться нет. Эх. Поспешила я со стрижкой...

Освободившись, я ушла с Тотошкой гулять. Мы бесцельно шатались по городу.

— Давай сыграем в игру? — предложила я.

— В какую?

— Подходим к перекрестку, я наобум говорю слово. Одна буква — одна дорога. На какую дорогу придется последняя буква в слове, туда мы и пойдем. Только, чур в игре не участвует та дорога, по которой мы пришли.

Мы стояли на центральной площади, рядом — кондитерский магазин, рынок, мастерская по ремонту обуви и парикмахерская. Назад вела дорога к станции, вперед — к частному поселку, направо — к реке, налево — во дворы.

— Камыш, — сказала я и начала считать слева направо.

Мы пошли к поселку, по очереди говоря слова. Долго блуждали мимо чужих домов и огородов. По пути рвали незрелые крыжовник, вишню и жимолость. Пару раз нам с отломанными ветками в руках пришлось убегать от бабок и дедов, которые посылали вслед проклятья или яростно размахивали над головой клюкой.

Тотошкина «бетономешалка» вывела нас к пересохшему руслу реки, где паслись лошади. По нему мы дошли до пустыря, обогнули магазин, оставили позади несколько дворов, нырнули в арку между домами — в этой подворотне обычно хулы пасутся, караулят жертву. За воротник как схватят, к стене прижмут. *За кого болеешь?* И ты думай в холодном поту, если он без атрибутики, то кто перед тобой — «Мясной»? «Конь»? «Мусор»? Или еще кто... в Днище больше всего «коней», так что можно так и назваться, ошибка маловеро-

ятна. Правда, пропищишь: «За ЦСКА я...», а тебе вопрос в лоб: «Назови трех футболистов». Или матчи какие важные, или еще что придумают, экзаменаторы хреновы. Тошка всегда подкованный был, хоть футболом и не увлекается, — жизнь заставила. Если хочешь ходить по городу твердой походкой и смотреть на мир осмысленно, а не через заплывший радужный глаз — выделишь пару вечеров в неделю, посмотришь новости спорта.

Сейчас тут было пусто, «кони», видимо, спали в своем стойле. Пройдя арку, я нахмурилась: отсюда виднелся ДК. Где-то рядом мог шлаться Бык.

Стоя на детской площадке на окраине опасного района, я пыталась выдумать новое слово. Но мысли были заняты другим. Отсюда только две дороги. Свернем налево — и дойдем до школы, а там — гаражи и лесопосадка; направо — забредем в глубь ненавистных дворов и, по закону подлости, напоремся на Быка.

— Чего ты медлишь? — хмыкнул Тотошка. — Быка испугалась? Не ссы, убежим от него, всегда убегаем. Он жигный и медленный. Не бойся!

— Эскаватор, — сказала я. Я не жульничала, играла честно. Будь что будет... Последняя буква пришлась на правую дорогу. Черт...

Слова вели нас дворами. Каждый раз перед поворотом за угол очередного дома я умирала от страха, вдруг там меня поджидает Бык? Но все обходилось, Быка не было. И через

некоторое время тревога немного отпустила.

Дворы. Церковь. Магазины. Мастерская.

«Стакан», «паспорт», «одеяло», «подшипник».

Мы уже были далеко от «зоны риска». Игра нас так увлекла, что я забыла о бдительности, перестала опасливо озираться. Решив передохнуть, мы вышли к пустырю у реки, где находилась спортивная площадка.

— Блин, оказывается, я совсем не знаю Днище, — сказала я, сев на лавочку. — Сегодня столько новых мест открыли.

— Да, вон та маленькая цегковенка... я и не знал, что она здесь есть. Она так спряталась между домами, ее и не видно.

Мы заговорились. И не заметили, как к площадке подошла толпа панков.

— Эй, чуваки! Да это же тот самый хитрожопый барыга! Эй, пацан, а ну иди сюда, сейчас тебе твою трубу знаешь, куда засуну?

Я не сразу поняла, что рассвирепевший панк орет это мне. Все-таки слишком ново и непривычно было это обращение — пацан. Но Тотошка сообразил быстрее и пихнул меня в бок острым локтем.

— Сваливаем, Сова! — закричал он и помчался вдоль реки.

Я помедлила, но через пару секунд тоже сорвалась с места. Бык ломанулся следом. Я как могла работала руками и ногами, и все-таки меня догнали и повалили на землю. Я уткнулась лицом в муравейник, меня сгребли в охапку и перевер-

нули на спину. Бык с красной озверелой рожей держал меня за воротник. Его ноздри яростно раздувались.

— Гони мои три косаря!

— Какие три? Два с половиной же было! — От страха голос напоминал писк котенка.

— Проценты капают! Гони деньги! Подсунул мне неработающую трубу!

— Труба работала, мамой клянусь!

Тут прямо в голову Быку ударил ком засохшей грязи — это Тошка швырнул, отвлекая внимание. От неожиданности Бык ослабил хватку и отстранился. Пользуясь моментом, я поджала ноги и изо всех сил лягнула его в грудь. Бык отлетел. Я вскочила и побежала к реке.

— Плыви, Сова! Плыви! — крикнул Тошка и первым бросился в воду.

Я нырнула бомбочкой и бешено загребла вперед. «Гады», как две примотанные к ногам гири, тащили меня на дно, но я справилась. Мой план сработал: Бык не захотел мочить одежду и не нырнул следом. Я выплыла на противоположный берег и увидела, что чуть выше по течению Тошка выгребает из камышей в мою сторону. Я победно обернулась к Быку.

— Сова! Я запомнил тебя! Ты труп!

Сжимая кулаки, Бык рывкнул это с такой ненавистью, что мое сердце рухнуло вниз.

Когда к станции подъехала электричка, мы вылезли из-под платформы и хотели уже забраться по зацепу на крышу, но тут Тотошка одернул меня:

— Палево! Помогала!

Я заметила в заднекабиннике торчащую лысую голову и воротник форменной синей рубашки. Голова цепким взглядом осмотрела все вокруг. С таким любопытным помогалою соваться наверх никак нельзя: скажет по радиации кому надо — и на следующей станции менты примут. Быстро забравшись по платформе, мы зашли в тамбур.

— Ну что, полезем в межку? — через некоторое время спросила я и дернулась в сторону межвагонной двери.

— Ты чего? Совсем тютю-тютю? Сейчас же повогот будет! Нельзя, когда повогот! — Друг посмотрел на меня, как на полную дуру.

Я опустила взгляд на свои «гады». Во всех операциях мозг в нашей команде — Тотошка. Без него меня давно убило бы током, разорвало на части под составом или сплющило в межке. Тотошка прав, лезть через межвагонье наружу на повороте крайне опасно — вагоны могут сжаться и, как любил повторять Тотошка, «кишки из задницы выдавить». Сурово, но правдиво.

После поворота была длинная прямая, в конце прямой —

наш любимый участок путей, мрачный тоннель. Проезжая его на крыше, мы получали огромную дозу адреналина.

До тоннеля было несколько остановок. Мы подождали в тамбуре, пока электричка подъедет к нужной станции, и, открыв дверь, зашли в междвагонье. Я зефирилась первой. Встав боком, раздвинула резиновые перегородки, соединяющие два вагона; просунула в брешь голову и руки, затем — ноги; правой ступней попыталась найти выступ. Резина сдавливала тело с обеих сторон; казалось, что меня рожают, и роды эти мучительные и долгие. Нашупав рукой лестницу, я схватилась за нее, изо всех сил вытолкнула себя наружу и наконец «родилась». По выступам я сразу полезла вверх, чтобы не мешать зефириться другу. И вот, когда электричка тронулась, мы уже перелезли из междвагонья на крышу.

Впереди — тоннель!

Мы легли на крышу и смотрели, как приближается опасный участок; уже были видны бетонные своды. Сердце замерло от восторга и испуга — черная пустота мчалась навстречу! И вот электричка влетела в тоннель, нас окатило резким потоком воздуха, эхо колес взорвало барабанные перепонки. Наступила темнота. Казалось, схлопнулось солнце, а мир, который еще мгновение назад был плоским, двухмерным, скучным, вдруг скрутился в трубочку, свернулся одеялом, — и мы мчались сквозь него. И не было у нашего пути ни начала, ни конца, а снаружи ничего не существовало. Для меня тоннель был бесконечным, хотя состав проходит

его за несколько секунд. В поры проникла абсолютная чернота. Спина взмокла, ветер, задувающий под одежду, приятно охлаждал кожу. Я вдыхала затхлый сырой воздух, прижималась к поверхности крыши. Чудилось, что тоннель сужается, потолок все ниже и ниже, вот-вот меня размажет о грубый бетонный свод, как овсянку по тарелке. Я не могла дышать, от напряжения скрутило внутренности. Но вот, наконец, белый свет. Неужели это все? Неужели я вижу солнце? Я зажмурилась от яркого света, не веря, что снова обманула смерть. Я встала и, обернувшись на оставленную позади черную дыру, засмеялась.

Держась подальше от контактного провода и токоприемников, мы пошли по крыше к концу последнего вагона. На первой остановке мы быстро слезли по зацепу и дали деру — вдруг нас кто заметил? Но все обошлось благополучно, погоны не было. Пробежав по рельсам еще немного, мы нырнули в дыру в заборе.

* * *

Дома меня ждал сюрприз. Первое, что я увидела, открыв входную дверь, — хмурое лицо папы, обещавшее хорошую взбучку. Здравая мысль — дать деру, отсидеться где-нибудь и переждать бурю — наверное, промелькнула в моем взгляде, потому что отец мгновенно схватил меня за шкурку и втащил в квартиру.

– Бестия треклятая! — кричал он, бегая за мной вокруг дивана и замахиваясь скрученным полотенцем. — Опять по составам лазила! Тетя Фая видела тебя, не отвертись! Получай, тварюга! У всех дети, как дети, а у нас обезьяна бешеная!

Полотенце хлестнуло меня по уху.

– Пап! Перестань! Ну, пап... — ныла я, усиленно пытаюсь держать максимальную дистанцию в полкруга.

На безопасном расстоянии от места боевых действий стояли мама, Оля, Катя и Славик. Мама смотрела на нашу гонку с испугом; непонятно было, кого ей жалко больше — себя, отца, меня или фамильную вазу, красующуюся на журнальном столике прямо в эпицентре катастрофы. Сестры и брат наблюдали с любопытством — подобные войны происходили в доме постоянно во время моих каникул. Иногда младшие даже делали ставки — удастся ли их полоумной старшей сестре смыться? Сколько тумачей ей достанется в этот раз?

Снова хлест полотенца, — и висящий на стене портрет любимого дедушки завалился набок.

– Вот чертовка! Даже дедушке из-за тебя страдать приходится на том свете! — Отец подлетел к стене и поправил портрет, тем самым дав мне короткую передышку. — Шельма! Дедушку бы постеснялась! Он от стыда вон, какой сердитый!

Я мельком глянула на портрет. Хм, с отцом я не согласна,

на секунду мне показалось, что дедушка, который, по рассказам родителей, в молодости был тот еще бунтарь, улыбнулся и поднял большой палец. Я протерла глаза и вновь посмотрела на портрет — нет, ерунда... Дедушка нейтрально смотрел куда-то вдаль.

А гонки продолжались. Топот, хлест полотенца, хихиканье сестер и братишки и испуганные возгласы матери.

— За что нам такое несчастье? — кричал отец. — Уважаемая семья! Кормим, поим, учим, чтобы дочь человеком стала! А она самоубиться вздумала! Либо инвалидом стать! Мало с матерью тратим на тебя, да? Хочешь, чтобы мы и больницам безумные деньги отдавали за то, чтобы твои порубленные кусочки вместе сшить?

— Папа, перестань! Ну паап...

— Распоясалась! Избаловали козьявку!

— Это моя жизнь! Что хочу, то и делаю!

Полотенце свистело совсем рядом, иногда попадало по ногам и плечам, обжигая кожу. Еще один хлест — и семейная ваза, слетев со столика, разбилась вдребезги. Гонки остановились. Вся семья растерянно смотрела на осколки.

Отец устало плюхнулся на диван и что-то пробурчал себе под нос. Мама стала собирать остатки вазы. Сестры и брат, увидев, что на сегодня шоу окончилось, вернулись к своим делам. Я ушла в комнату, потирая ушибленные места.

На кровати я закуталась в одеяло и отвернулась к стене. Но почему? Почему они не оставят меня в покое? Они не

имеют права отбирать у меня мой досуг! Я вольна сама распоряжаться своим свободным временем! Мало того, что они это запрещают, так еще и полотенцем от них достается...

То, что я чувствовала после папиной взбучки, опять было подобно взрыву вулкана. Вообще-то так я реагировала даже на малейший раздражитель. Моя жизнь в пансионе была размеренной, там мало что происходило. Парады да балы по особым праздникам — вот чем жили девочки из пансиона; еще изредка вывозили на экскурсии и в музей.

На танцульки мне было плевать, там от бала одно название. Туда привозили кадетов из соседнего училища — смех один! Нас — сто пятьдесят девчонок, а кадетов — от силы двадцать наберется. Все прыщавые, дохлые, угловатые. И за каждого такого ошипанного цыпленка девки нешуточные драки устраивали за корпусами. Я в это дерьмо не лезла, весь бал отсиживалась в углу.

А вот выезды в город я ждала с нетерпением. По природе мне всегда было тяжело усидеть на месте, я ходила с ума. Может, из-за этого у меня и случались постоянные стычки с главными стервами пансиона.

Теперь, когда меня исключили, внезапная свобода кружила голову. Это как выйти на улицу после грозы; как вырваться из долгого заточения в душном помещении. Такая свобода сказалась на мне, как передозировка наркотика. И я собиралась вляпаться во все неприятности, которые только могут быть.

Но действительно меня волновала в те минуты папина взбучка. Казалось, я искренне ненавидела его, а заодно и маму, потому что та всегда вставала на папину сторону в наших раздорах. Папа смотрел на проблемы своих детей слишком поверхностно, не пытается *вникнуть*, знать не хотел о том, какие демоны сидят в их душах. Думаю, я злила его специально. Он наказывал — а я тут же опять пускалась во все тяжкие. Для чего? Чтобы отомстить, совершив очередной побег, или, придя домой пьяной, получить еще большую взбучку? Замкнутая цепочка «проступок — следствие». Растущий снежный ком обид и ссор. И никто не видел выхода, ни я, ни родители.

А вот что касается Быка, эта игра в догонялки начинала мне даже нравиться. Ведь, побеждая, я получала всплеск адреналина, который можно было сравнить разве с катанием на «американских горках». Конечно, я по-прежнему задумывалась над тем, что будет, если он однажды меня поймает. Что сделает? Пыталась представить последствия и не могла. Зато вулкан моих эмоций — напряжения, страха, драйва — рос в геометрической прогрессии.

Что ждет дальше, я не могла и представить. В один день звезды просто сойдутся против меня; наконец случится то, чего я боялась, — я попадусь Быку. Но это окажется мелочью по сравнению с тем, что будет потом, что станет толчком к побегу из дома.

Черт дернул нас с Тошкой пойти в заброшенный лагерь...

Я мало что помню о *том дне*, — будто его стерли. Но если покопаться в памяти, я сумею восстановить все, каждую деталь. Сложно вытаскивать из головы настолько тяжелые воспоминания. Я сделаю это ради моей истории. Сотку *тот день* заново по ниточке. Но с ходу... могу вспомнить лишь два момента.

Псы. Их жуткий лай, налитые кровью глаза и пена на щелкающих клыках. Собаки до сих пор — мой самый большой триггер.

И второе воспоминание — как я бросаю окровавленную биту в воду и ныряю.

Глава 3

Если бы вы прошли по железной дороге к западной окраине Днище, то наткнулись бы на старенькое полуразрушенное депо, где за облупившимися синими стенами свой век доживали последние эрдвашки. Ржавые, неуклюжие, корявые зеленые динозавры. Уродливые и одновременно прекрасные. Плоские морды с четкими углами, массивные метельники с горизонтальными перегородками, выкрашенными красной краской.

Эрдвашки. Объект воздыхания всех зацеперов. В две тысячи восьмом эти составы списали, и теперь они, такие родные и любимые, ржавеют где-то на задворках бескрайних просторов железной дороги. Но электричка ЭР-2 навсегда заняла в моем сердце почетное место. Ведь она частенько спасала мне если не жизнь, то честь — уж точно.

Я быстро бежала по рельсам. По бетонным шпалам звонкую дробь отбивали массивные камелоты. Загорелые голые ноги были все в ссадинах и расчесах от комариных укусов. Растянутая мужская футболка, больше чем нужно, на три размера, и свободные спортивные шорты развевались парусом на моей худенькой фигуре. Низкий рост, мужская стрижка, нос кнопкой, тонкие губы — кто подумал бы, что я — всего лишь девчонка?

— Сова! — слышался сзади громкий рев.

Я бежала что есть силы. Нельзя останавливаться, никак нельзя! Иначе я — не жилец.

— Пернатая дичь, а ну стой! Хуже будет!

Судя по шуму, преследовали меня человека три или четыре.

Давай, ну еще немного! Я сжала кулаки и стиснула зубы. Дыши ровно, Сова! Беги, не останавливайся!

В последний раз так тяжело бег давался мне на соревнованиях во время учебы. Я вспомнила Крысу (так я звала эту тварь, но ее настоящее имя — Кристина Сычева). Крыса была частью зловонной гнили под названием «пансион для девочек». Она училась в моем классе, и на недавнем марафоне эта падаль насыпала мне в кроссовки битого стекла — такие мелкие крошки, что их не только не разглядишь невооруженным глазом, но еще и не почувствуешь, делая первые шаги. Но уже на пятистах метрах четырехкилометровой дистанции я, конечно, все поняла. Еще с километр я бежала, сжимая зубы от боли и проклиная Крысу, а потом просто упала. Носки от крови успели прилипнуть к стопам и отдирались с трудом. Те соревнования выиграла Крыса. Если бы не осколки, победила бы я.

Вот и сейчас ощущения были похожие. Только бы не споткнуться...

Я посмотрела себе под ноги, где одна за другой проносились шпалы. Шумно втянула горячий летний воздух, наполненный запахами мазута, пыли и горящих торфяников.

Продержись еще немного!

Впереди я увидела спасительное синее здание — депо и — ура! — радующий глаз зеленый цвет уезжающей эрдвашки.

Давай! Ты успеешь! Двигатели на полную мощь...

— Сова, пернатая сволочь! Где мои четыре косаря?!

При упоминании денег я невольно припустила еще быстрее.

Вот уже недели две длился этот нескончаемый марафон, в котором почетное первое место стабильно держала я, а второе — Бык со своей шпаной. Хорошо, что мы с Быком жили на разных концах города и сталкивались не очень часто. Но сейчас расстояние между нами все уменьшалось, и я понимала: если не успею догнать электричку и зацепиться, — прощайте, мама-папа, и похороните меня в погребке, под банками с малиновым вареньем.

Пятьдесят шагов. К моей радости, эрдвашка отъезжала очень медленно.

Сорок шагов. Тридцать.

Сколько до преследователей? Я боялась обернуться. Но судя по шуму — не больше двадцати шагов.

Двадцать шагов. Десять.

Из последних сил я прыгнула вперед, схватила руками за поручни, ногами уперлась в перегородки метельника. Легко, потому что я проделывала это по десять раз на дню.

— Милая, ты спасла мне жизнь, — прошептала я зеленой краске и поцеловала холодное железо.

Электричка тут же стала набирать ход, как будто специально поджидала меня и теперь старалась увезти от преследователей. Я обернулась — шпана Быка осталась далеко позади. Они поняли, что им не догнать электричку, и злобно смотрели на меня. Я улыбнулась, залезла повыше, пытаюсь нащупать хорошую опору, и... показала Быку средний палец.

Плохая идея, ведь за это Бык, если когда-нибудь вдруг поймает меня, оторвет мне этот самый палец и засунет в одно из естественных отверстий. Но я не удержалась, очередная победа слишком расхрабрила меня.

Я развернулась по ходу движения. Наклонившись вбок, подставила лицо ветру.

– Йухууу! — закричала я исчезающим сзади деревьям и улицам. — Я живая! Живая, слышите?!

Только что я вырвалась из западни и сейчас остро, как никогда, почувствовала свободу. Она хлынула в легкие вместе с воздухом, а оттуда по венам — по всему телу. Кратковременная... но настоящая.

* * *

Еще с порога я услышала возмущенный голос отца, доносившийся из кухни:

– Четыре бабы в доме, а холодильник — как гондон с манной кашей. Не бабы, а мандакрылые наседки. Где мое мясо??

Я хотела по-тихому сбросить «гады» и юркнуть в комнату, но по-тихому не получилось. Отец вышел в прихожую, приблизился ко мне вплотную, наклонился и обнюхал.

— Где была?

— С Тошкой гуляли. Ходили к реке на спортивную площадку.

— А по составам лазили?

— Нет, — пискнула я.

Отец смотрел мне в глаза, его взгляд был как рентген. Врет дочь или нет? Потом он сказал:

— Наказание тебе придумал.

— И какое же? — сглотнула я.

— Пока у тебя каникулы, будешь помогать мне на работе.

— Нет, только не это!

Я не просто так пришла в ужас. Папина контора, оператор спутникового телевидения, находилась в тесном офисе в доме быта недалеко от ДК. Раньше дело было прибыльным, но затем в город напоззли крупные фирмы-конкуренты, которые постепенно стали выжимать папу, занижая расценки на услуги и переманивая клиентов. Папа тоже вынужден был опускать цены до минимума, теряя доход. Я всегда ненавидела этот офис — тесную, душную каморку. Ну а работа, которую на меня сваливают в наказание, — дико скучная.

— Не хнычь, — строго сказал папа.

— И сколько мне работать?

— Неделью. По четыре часа в день.

Я застонала. Но с отцом не поспоришь, его никому из семьи переупрямить никогда не удавалось.

На следующий день с самого утра я сидела на офисном стуле в неудобном углу. Я обмахивалась папкой с бумагами, кликала мышкой по экрану — обрабатывала платежи за телек — и отвечала на телефонные звонки клиентов. Оставалось только тоскливо поглядывать в окно. Как назло, на улице такая хорошая погода! Сейчас бы с Тотошкой гулять да купаться, а не париться в этой мерзкой клетке. Я считала дни до конца недели и думала о том, что весь год, начиная с сентября, я жду лета. В лете двенадцать драгоценных недель, и надо же так глупо прожопить одну.

Но вот, наконец наступила пятница. Ура! Последний день моего тюремного заключения остался позади! Вечером раздался звонок рации — вторая была у Тошки. Мы купили их пару лет назад, тогда мобильников у нас еще не было, и рации успешно их заменяли. Потом телефоны появились, но все равно мы часто по старинке пользовались рациями. Я нажала на кнопку и произнесла:

– Я Радуга-1. Кто говорит? Представьтесь. Прием.

– Я Яблоня-1. Как слышно? Пгием.

– Я Радуга-1. Слышимость отличная. В чем дело? Прием.

– Я Яблоня-1. Гадуга-1, пготивник отступил, отправляю на наблюдательную вышку Бегезу-4. Возвгащайтесь на базу. Пгием.

– Я Радуга-1. Принято. Есть возвращаться на базу. Конец

связи.

Тошка сообщил, что его родители сегодня остаются в гостях. Хата свободна на всю ночь!

Вскоре я уже забралась в Тотошкино окно. Он валялся на кровати и слушал музыку в наушниках. Спрыгнув с подоконника, я бросила на пол рюкзак. От неожиданности Тотошка подпрыгнул и упал с кровати. Наушники слетели.

— Вот чегт, Сова! Я чуть коньки не отбгосил. Ты чего чегез окно?

Друг втихаря затолкал разбросанные носки под кровать и прикрыл грязные тарелки комиксами.

— Бык в твоём дворе тусуется, вынюхивает. Держи, тут у меня припасы. — Я достала из рюкзака банку пива и бросила ему.

— Кгуто! Чего будем делать? — Он поймал жестянку.

— Что у тебя есть пожрать?

Пока наша курица с лимоном и чесноком жарилась под прессом, мы стояли над сковородкой и пускали слюни. Ужидали в комнате Тотошки под кровавый ужастик и пивчанское. Когда оно кончилось, мы залезли в бар родителей и достали бутылку виски. Опустошив ее наполовину, включили музыку на полную громкость и устроили дикие танцы. Затем приготовили попкорн и развязали настоящую кукурузную войну — носились друг за другом по квартире и кидались им. Уставшие, повалились на пол на подушки, отдышались. В попкорне было уже все вокруг.

Тотошка достал пакетик с травой и забил косяк. Все так же лежа, мы передавали его друг другу и таращились на стоящий рядом аквариум с золотыми рыбками. Рыбок звали Билли, Вилли и Дилли, как персонажей «Утиных историй», Тошка их очень любил — как рыбок, так и героев мультсериала.

Мы разглядывали аквариум, под приходом любуясь красотой морской природы, выдыхали дым на стекло и вели беседу на непривычные нам темы. На полу вдоль плинтусов была протянута светящаяся гирлянда — дизайном Тошкиной комнаты занималась мама, и мне казалось, что обстановка поэтому больше подходит для девочки. Я взяла гирлянду за край, свернула в клубок и стала наматывать на пальцы. Тотошка смотрел то на рыбок, то на мои руки. Его глаза казались чернее обычного из-за расширенных зрачков.

– Если бы ты был президентом, что бы ты сделал самым первым? — вдруг спросила я.

Тошка какое-то время молчал.

– Постгоил бы лестницу в космос. Ну, знаешь, не лестницу, а лифт. Стганно, что никто не додумался до этого. Это же так пгосто — спустить с нескольких спутников тгосы, загепить их на земле, постгоить лифт. Тгатятся такие безумные деньги на то, чтобы отпгавить космонавтов и ггузы на МКС, а тут это было бы элементарно — нажал кнопку лифта и поехал.

– Да, это классно. Но думаю, кто-то все же думал об этом.

Наверное, по каким-то причинам не могут так сделать. Например, Земля же крутится с бешеной скоростью. Как спутники на тросах за ней бы поспевали?

— Легко. Пгедставь, что дегжишь палку, на конце палки — вегевка, на вегевке — шагик. Ты гаскгучиваешь шагик в воздухе, вегевка натягивается. Твоя гука — это земля, шагик — спутник, вегевка — тгосы. Все возможно.

— Ну, не знаю. Наверное, здесь все сложнее.

— Не знаю, мне кажется, все пгосто. Я бы постгоил лифт, мне только не хватает нескольких миллиагдов доллагов.

Я хмыкнула.

— А ты бы что сделала? Если бы была пгезидентом?

— Ввела бы программу по контролю рождаемости. Приняла бы закон, по которому только один, старший ребенок в семье может наделяться правами человека.

— Ух ты! И кем бы были остальные дети в семье?

— Не знаю. Рабами, может. Вообще было бы здорово, если бы родители тоже не воспринимали их как людей. Рожали бы для заработка... Выращивали бы младших, например, для продажи на черный рынок или на органы...

— Я, конечно, знал, что ты не любишь сестег и бгата, но не подозревал, что настолько.

— ...а еще на них могли бы законно тестировать опасные медицинские препараты, или их могли бы уродовать, а потом зарабатывать на этом уродстве...

— Ух, злая ты, Сова.

— Просто задолбало постоянно слышать от родителей: «Ты старшая и должна уступать... Ты старшая, поэтому должна мыть за всеми посуду». Видите ли, мелкие ничего не умеют. Младшие сестры только лежат на кровати и едят конфеты, а мыть посуду почему-то должна я. Это несправедливо. Хочу жить в мире, где быть старшим круто. Везет тебе, ты один в семье.

Мы поговорили еще немного о личном пространстве и высоких технологиях, а потом Тошка начал моргать разными глазами. Вот моргнул левым, все еще что-то болтая о космических лифтах и шаттлах, вот — правым, голос стал тихим и сонным. Тошка всегда моргал разными глазами, перед тем как отрубиться, это был знак.

Мы уснули прямо на полу.

* * *

Я проснулась среди ночи от жуткого сушняка. Нашупала возле себя кувшин с водой — как удачно! Я сделала несколько жадных глотков и опять провалилась в сон, но ненадолго: второй раз меня разбудил дикий крик Тотошки.

Мы все еще лежали на полу, на подушках. Тотошка бешено тряс аквариум и верещал. В его волосах белел попкорн; вообще, попкорн я видела везде: на полу, на одеяле, на столе; крошки прилипли к щекам друга. Даже внутри аквариума плавали разбухшие хлопья.

– Чего орешь? — сонно спросила я.

– Куда-то делся Дилли!

– Какой Дилли?

– Долбаная гыба! Она исчезла! Куда он мог деться? — В голосе Тотошки звучала паника. Я посмотрела на полупустой аквариум и начала что-то соображать...

– Эээ... Тотош, ты только не волнуйся, но...

– Что — но?? — Он посмотрел на меня безумным взглядом.

– Понимаешь, среди ночи у меня был сушняк и...

– Что — и?? — Вопя, он обнимал аквариум одной рукой, а второй бултыхал в нем пальцем, как будто надеясь найти Дилли где-то в толщах воды.

– Я нащупала на полу кувшин. Точнее, я подумала, что это кувшин, еще удивилась, как он удачно стоит. И... выпила.

– Кувшин??? Но тут нет никакого кувшина!

– Теперь я это вижу, — виновато сказала я. — Это был не кувшин, и... кажется, вместе с водой я выпила Дилли.

– Ты?! Ты проглотила моего Дилли? — Тотошка ткнул в мою сторону трясущимся пальцем. Его лицо покраснело, от возмущения друг надулся, как рыба-шар.

Я ощупала свой живот. Внутри никто не барахтался.

– Прости, Тотош... Это вышло случайно. Я не хотела. Не переживай, я куплю тебе нового Дилли!

Весь день меня грызла вина. Как можно было, во-первых, сожрать любимого питомца лучшего друга, во-вторых, да-

же не заметить этого? Я каждую минуту в панике щупала свой живот, переживая, что теперь золотая рыбка радостно бороздит просторы моих внутренностей. До самого вечера я хвостом ходила за Тошкой, просила прощения, а он все дулся. Но потом ситуация перестала казаться нам такой уж удручающей. Тошка соорудил страдальческое лицо и сказал, чтобы я не забыла произнести торжественную прощальную речь, когда пойду по-большому. В ответ я сказала, что обязательно позову его на церемонию прощания с усопшим, и мы прыснули со смеху.

Глава 4

Сегодня была сходка «Спарты» на вокзале. Толпа зацеперов отправлялась в долгую поездку. Большинство ехали с конечной, и, когда мы прозефирились и вылезли наверх, то увидели человек пятнадцать.

Это «Спарта». Все родные. Все свои. Здесь тебе всегда рады.

Зацеперы смеялись, пили, махали автомобилям, стоявшим на переездах, и снующим по рельсам путейцам. Все расселись по крыше, а кто-то занял место между вагонами, сев по обе стороны и свесив ноги в проем. И все кричали друг другу, пытаясь переорать гул ветра, шум мотора и протяжные гудки состава.

— А у меня друг в феврале с крыши сорвался. Умер от черепно-мозговой травмы.

— А я видел, как одному башку конташкой срезало!

— А при мне одного хорошенько так размазало... На пиццу стал похож.

Это — излюбленная тема зацеперов. Но есть еще вторая: кто какие трюки вытворял.

— А я запрыгнул на скорости на встречный поезд! — гордо крикнул мальчик в смешной кепке, которая смотрелась на его мелкой башке кастрюлей. Кажется, его звали Пашка. Я покосилась на хлипкого рассказчика. Блефует... У кого-то

родились такие же мысли, потому что Пашку перебили:

– Да твоим пуканом можно разгонять «сапсан»! Гонишь! Не сможешь ты так! А если и рискнешь — размажет, как манную кашу по тарелке.

Приближался тоннель; сидящие впереди обернулись и замахали руками, веля всем лечь.

Это была большая сходка: еще пятерых зацеперов подобрали в Днище, пятерку на следующей. Через несколько станций на крыше было уже сорок человек! Все радовались, снимали друг друга на камеру, обменивались рукопожатиями в хозяйственных перчатках. Проезжая вдоль длинной линии гаражей, снимали и свои пляшущие на стенах тени.

Повсюду раздавались крики:

– О-ло-ло!

– Это Спарта!

– Это руфрайд!

Кто-то размахивал российским флагом и кричал гимн.

С земли все показывали на нас пальцем и крутили у виска. Плевать. Наша цель — вокзал. Но до него мы так и не доехали. За три станции заметили с десятков ментов, стоящих на платформе и по другую сторону рельсов. Кто-то донес!

– Облава! Облава! — закричали все.

Началась паника. Кто-то сиганул с поезда еще до остановки, кто-то побежал по крыше. Мы с Тошкой помчались к межке и прозефирились внутрь. Кто-то последовал нашему примеру и юркнул за нами. Толпой со смехом вбежали в ва-

гон. Пассажиры злобно уставились на нас. Сидящая у прохода пожилая женщина в огромной шляпе ткнула в нас пальцем и завизжала:

– Преступники! Бандиты! Вас всех по тюрьмам надо рас-
сажать!

– А что мы сделали-то? — на свою беду спросила я.

Я искренне не понимала, откуда такая ненависть!

– Какое хамство! Как не стыдно! Позоришь мать! — ве-
рещала она тоненьким противным голосом. Тут же подхва-
тили другие пассажиры:

– Бедные их родители! Завтра ведь придется хоронить
своих детей...

– Да они, наверное, алкаши, им плевать.

– Мать случайно небось залетела...

– У нормальных родителей не получатся такие дети...

Все смотрели на нас осуждающе. А мы? Что мы им сде-
лали?

Ситуацию спас Тотошка. Он подбежал к злобной стару-
шенции, со словами «Цыц, бабка! Умолкни!» схватил ее за
поля шляпы и, со всей силы дернув вниз, натянул шляпу на
нос. Наблюдая, как бабка с воплями пытается выбраться из
своей ловушки, мы взорвались хохотом и, пока пассажиры
не очухались от шока, не завyli сиреной и не начали в нас
чем-нибудь кидать, выбежали из вагона. В тамбуре посмот-
рели в окна. Основная часть ментов рванула за теми, кто
спрыгнул с электрички. Нам могло и повезти.

Мы аккуратно рассосались по составу. Уже не бежали, а входили тихо, по одному по двое. Пассажиры, которых увлекло происходящее за окном, на нас не обращали никакого внимания. Менты прочесали вагоны, но не заметили нас: искали парней, сбившихся в большие кучки. Доехав до следующей станции, мы с Тошкой вышли из электрички и стали ждать обратную.

Дома я оказалась очень поздно. Ввалившись в окно, сразу упала на свою кровать и завернулась в одеяло.

– Вот появится эта мерзавка, шкуру спущу! Где она шляется?! — в коридоре послышались шаги и крик отца.

– Успокойся, Олег, вот увидишь, Даша придет с минуты на минуту... — ответила мама.

Дверь в комнату открылась.

– Оля, не спишь? — спросил отец.

– Неа, читаю, — ответила сестра.

– Дашка тебе случайно не говорила, во сколько придет?

– Так она дома давно. Вон, спит. Сказала, что у нее голова болит.

– Как дома?! А когда она пришла?

– Да час назад уже, а то и раньше.

– А мы ее с матерью ищем, думаем, гуляет где-то! Ну, раз дома, тогда ладно...

Отец вышел и закрыл дверь. Шума и крика больше не было слышно. Я убрала одеяло. Первым делом достала из кармана смятый полтинник и кинула Ольке. Потом сняла гряз-

ную одежду, всю в пыли и мазуте, и тихонько, на цыпочках, прошла в ванную. После душа вернулась в комнату, опять упала на кровать и заснула уже в полете.

* * *

Весь следующий день мы катались на «собаке». Обратного до города доехать не получилось: электричка встала на одной из станций и по техническим причинам дальше не поехала. Такое происходило частенько.

Домой мы шли пешком по рельсам. Путь занял два часа. Железная дорога, поросшая по бокам еловым лесом, прямой линией уходила так далеко вперед, насколько хватало глаз.

— Тотош, как думаешь, что нужно человеку для того, чтобы почувствовать жизнь? — спросила я, вдыхая смесь запахов мазута и хвои.

— Ммм... — Друг напряженно задумался. — Может, узнать, что такое смегть? Если не знать, что такое минус, никогда не поймешь, что такое плюс.

— Логично, — кивнула я. — А что еще? Что, например, нужно именно тебе для того, чтобы почувствовать вкус жизни?

— Выпгннуть из движущегося поезда!

— Засчитано. А что еще?

— Так нечестно! — возмутился он. — Тепегь твоя очегедь.

— Ммм... Переспать с парнем.

- Пегеспать с девушкой.
- Сделать ирокез.
- Купить спогтивную тачку.
- Танцевать без трусов.
- Избить кого-нибудь.

– Что? — Я во все глаза посмотрела на друга. Он всегда казался мне ярым пацифистом.

– Ну, — Тошка смутился. — Это из той же опеги, что плюс-минус и жизнь-сметть. Никогда не узнаешь, что такое миг, пока не поймешь, что значит война.

– Окей, продолжаю. Поцеловаться с чужим парнем.

– Уехать жить на мого.

– Заняться сексом на публике.

– Ммм... Ходить голым по улицам.

– Узнать, что такое любовь.

– Потегять любовь.

– Ты опять уходишь в свой плюс-минус? Принято. Хмм...

– Ну, думай, что еще? — поторопил Тототшка.

– Я не знаю...

– Что, пгоиггала?

– Нет... я сейчас... Вертится на языке.

– Тги секунды.

– Сейчас...

– Две...

– Украсть...

– Одна... Ноль!

— Украсть единорога! — быстро сказала я.

Мы остановились, несколько секунд тупо смотрели друг на друга, а потом приснули.

— Что? — Тотошка схватился за живот. — Чтобы почувствовать вкус жизни, нужно укусить единорога? Где? Где мы его возьмем?

— Я не знаю! — Я задыхалась от смеха.

Болтать было весело, но за два часа пути мы жутко устали и натерли мозоли. Дико захотелось пить, и пришлось свернуть с железки к магазину.

Мы сидели в тенике на ступеньках и жадно пили холодный лимонад, когда вдруг слышали голоса, топот и смех. Сбоку к магазину кто-то подходил, судя по голосам, — толпа парней. Тревога! Я вскочила и хотела уже убежать и спрятаться с другой стороны здания, но не успела... столкнулась нос к носу со здоровенной фигурой.

— Опаньки! Кто это к нам пожаловал? Неужто Сова? — Бык скалой навис надо мной. Глаза-щелочки сверлили меня; кулаки-кувалды напряженно сжались; толстые губы изогнулись в усмешке; на красном лбу вздулись вены. — Деньги мне принес? Все пять косарей?

Бутылка выпала у меня из рук. Лимонад с шипением разлился по бетону. Вот черт, Бык... Я давно с ним не сталкивалась и уже забыла о его существовании. Но почему он так не вовремя? Быстро развернувшись, я помчалась в другую сторону. Недолго думая, Тошка присоединился ко мне. В кар-

мане звякали монеты.

— А ну стой, гаденыш! В этот раз не убежишь!

За спиной слышала такой топот, будто за мной мчалось стадо разъяренных носорогов.

На первом же перекрестке Тотошка удрал в другую сторону. Хитрюга! Знал, что Бык за ним не погонится. Пробежав двор, я оказалась у котельной, огороженной забором; не раздумывая, нырнула в щель и помчалась дальше по территории. За спиной послышались лязг металла и глухой звук, будто кто-то уронил мешок — Бык перелез через забор. Услышав лай собак, я ускорила. Юркнув в дыру уже в другом, решетчатом заборе, побежала по лесопосадке к баракам, по дороге задела висящую на веревке простыню и утащила ее с собой. Я мчалась, как бешеное привидение, пока простыня не слетела с меня. Бежала по лесопосадке, затем — вдоль полосы гаражей. Повсюду были грязные лужи и воняло канализацией. И тут я уперлась в тупик: справа и слева тянулись линии гаражей; между ближайшими постройками было так узко, что пролезть могла только кошка. Впереди выросла бетонная стена, изрисованная граффити.

Я дернулась вправо, к гаражу, хотела забраться на него и пробежать поверху, но Бык схватил меня за шкурку и стащил вниз.

— Попался, мелкий гад!

— Пусти! Пусти меня! — закричала я. — Я отдам деньги, завтра же, все три косаря!

Бык выкрутил мне руки, буквально завязал меня в узел.

— Уже шесть косарей! Деньги нужны здесь и сейчас! — Он отвесил мне пинок. — Пошел вперед!

Держа за шкурку, Бык куда-то меня повел.

Вскоре мы оказались на каком-то пустыре. С одной стороны виднелся разрушенный барак, с другой — опять гаражи. Зловоние стояло нестерпимое, лужи доходили до щиколоток. Я увидела источник мерзкой вони: недалеко был канализационный люк, из которого хлестал поток омерзительной жижи.

Бык толкнул меня в спину. Я упала на колени, прямо в смердящую лужу; мои ноги и руки утопли в ней. Я сморщилась от отвращения.

— Где мои деньги? Где мои деньги, падла? — проревел Бык и схватил меня за шкурку. — Щас будешь хлебать это дерьмо!

Бык ткнул меня лицом прямо в это едкое зловоние, потом рывком поднял и куда-то поволок. Я умирала от страха и унижения, душило и мучительное чувство неизвестности. Что он сделает со мной?? Я колотила его, пыталась освободиться, но тщетно. Бык наклонился и, держа меня одной рукой, второй отодвинул в сторону что-то тяжелое. Не успела я сообразить, что происходит, как меня бросили в пропасть смердящего колодца.

Вынырнув из вязкой жижи, я схватилась за края люка и подтянулась. Вонь прошибла нос. Меня вырвало. Бык сел пе-

редо мной на корточках.

— Не принесешь завтра все шесть косарей — притащу тебя сюда снова и засуну в это вонючее очко. Только на этот раз прихлопну крышкой, — сказал он, развернулся и ушел.

Я выбралась из люка, отползла в сторону. Меня вырвало еще два раза.

Опустошив желудок, я отошла подальше. Прислонилась спиной к железной стене гаража и там обессиленно осела на землю. Что мне теперь делать? Я вся в дерьме и далеко от дома. Просто прекрасно. Где носит Тотошку? Мог бы и на помощь прийти, знал же, что помощь понадобится. И куда он свалил? Домой, как ни в чем не бывало? Предатель. И что мне теперь делать, как возвращаться в таком виде? Предстоит пройти несколько районов. По реке не добраться. Ладно, об этом буду думать позже. Сначала нужно смыть с себя дерьмо.

К реке я шла по кустам и узким тропинкам, стараясь никому не попадаться на глаза. Но это выходило не всегда — в конце концов я встретила целую группу людей. Раскрыв рты от изумления, они тыкали в меня пальцем.

Я все же вышла к берегу реки. Кроме компании девчонок, сидящих на склоне с бутылками в руках, никого не было. Я с гордым видом прошла вперед под удивленные охи. Сняв одежду, погрузилась в воду, с наслаждением поплавала и смыла с себя всю канализационную дрянь, затем прополоскала рот. На берегу долго отстирывала шмотки, затем

разложила их на траву сушиться и легла рядом. Наблюдая за облаками, думала о том, что конец света наступил как-то уж очень неожиданно.

— У тебя все нормально? — раздался сзади тревожный голос.

Обернувшись, я увидела девчонку, похожую на зебру из-за длинных мелированных волос. На ней были джинсовая мини-юбка и ярко-красный топик.

— Все отлично, — сказала я.

— Непохоже, — хмыкнула она. — Что с тобой случилось? Я отмахнулась.

— Не парься.

— Пойдем к нам? Посидишь, выпьешь, расслабишься. Расскажешь, что произошло.

Недолго думая, я поднялась и пошла к компании.

— Меня Марина зовут, — представилась Зебра. — А это Алиса, — показала она на вторую девчонку с прической из африканских косичек, — а это Настя. — У третьей девчонки был короткий ежик черных волос, на затылке залаченных и торчащих вверх.

— Даша, — сказала я.

Мне тут же протянули кофту, я завернулась в нее.

— На. Выпей. — Мне вручили полуторалитровую бутылку «Отвертки».

Несколько глотков залпом — и моя ситуация больше не казалась мне такой уж удручающей. Последняя неделя пере-

стала давить тяжелым грузом. Стало даже смешно.

— Так что с тобой случилось? — спросила Марина.

И я рассказала и о сломанном телефоне, и о парне с бычьей башкой, который все пытается выбить из меня долг, и о том, как сегодня принимала ванны в канализационном люке. Девчонки прыснули со смеху.

— Прости, но ты так забавно рассказываешь, — сказала Марина.

— Да ничего, я привыкла, что всем всегда смешно, когда я в полной заднице, — вздохнула я.

Мы распили бутылку апельсинового коктейля, потом вторую — со вкусом какой-то фейхоа; девчонки рассказали о себе. Они жили в тех бараках, где я сегодня запуталась в простыне. Ушли из школы, учились в ПТУ кто на швею, кто на секретаря. Когда мы расходились, Марина сказала:

— Пойдем ко мне, дам тебе шмотки. Не идти же тебе в таком виде.

Марина жила на первом этаже длинного двухэтажного барака. Квартира смотрелась бедно, ремонт в ней не делали лет пятьдесят. Внутри воняло подгорелой кашей, молоком и мочой. Где-то в дальней комнате орал младенец. Ванная была грязная, вся в плесени и желтых разводах. Но после купания в канализационном люке даже такая показалась мне райской лагуной.

В комнате Марина протянула мне одежду — короткую черную юбку с о-о-очень низкой посадкой и желтый топик

на тонких бретельках. Она предложила и обувь, но я сказала, что дойду в своих мокрых «гадах». Пообещав завтра занести шмотки, я попрощалась с новой знакомой.

Дома я просушила телефон, а затем включила его, и сразу позвонил Тошка.

– Сова, слава яйцам! Я тебе обзвонился! Чегт, куда ты делась? Мы газделились, потом я стал тебя искать и не нашел.

– Принимала ванну, — сухо ответила я.

– Чего? Какую ванну? Бык тебя не догнал? Или догнал? Че он тебе сделал?

– Поймал. Да так, устроил мне джакузи, больше ничего. Тошка помолчал некоторое время.

– Ладно, Сова. Завтга гасскажешь, вижу, что тебе сейчас неудобно говогить. Я дико волновался. Кгудо, что с тобой все хогошо. Я завтга отцу помогаю на даче чегдак газбигать, часам к пяти освобожусь, созвонимся. Пока!

Я со злостью бросила трубку на кровать. Предатель! Как он может говорить так беззаботно и не чувствовать вины за то, что свалил? Трус паршивый!

Я включила «Зубастиков» по видику. Посмотрев ужастик, я решила сделать своего собственного «зубастика»: сняв с пустых пластиковых бутылок три кольца, вывернула их зубчиками наружу, потом надела кольца на крышку, сделала в ней две дырочки, протянула через них длинную резинку и завязала два свободных конца. Теперь, когда я тянула за резинку в разные стороны, «зубастик» начинал бешено раскру-

чиваться и жужжать. Торчащие шипы работали как маленькие бензопилы, ими можно было довольно сильно пораниться. За вечер я изрезала «зубастиком» всю свою коллекцию журналов «COOL», о чем пожалела уже утром — я собирала эти журналы несколько лет. Но я была вся на нервах и жутко злилась на Тошку. Мне просто нужно было куда-то выплеснуть гнев.

* * *

На следующий день я отнесла Марине вещи. Дверь открылась, девушка некоторое время непонимающе смотрела на меня. Я потрясла пакетом.

– Привет. Я принесла одежду.

– Даша? Ничего себе! Я тебя не узнала, думала, что за пацан и что ему надо? Вчера ты без одежды была, там видно, что девчонка. А сейчас в этом прикиде...

Мы засмеялись. Марина впустила меня в квартиру.

– Сейчас с Настькой и Алиской гулять пойдем. Не хочешь с нами?

Я посмотрела на телефон — он разрывался от Тошкиных звонков. Я включила беззвучный режим и не ответила на очередной вызов. Подумала над предложением Марины. На Тошку я была жутко обижена, с ним гулять не хотелось. Дома тоже ловить нечего.

– Хочу! А никто против не будет?

— Конечно нет. Все только за.

— Тогда пошли!

— Только... — Марина смущенно меня оглядела. — Возьми все-таки обратно мою одежду. Она тебе больше идет.

Я послушно надела топик и юбку. Марина поколдовала над моей внешностью: подвела мне глаза черным карандашом, губы накрасила блеском, а волосы взбила пенкой, чтобы смотрелись поженственнее. Сзади у меня, как у Насти, торчал теперь ежик. Довершили образ босоножки на платформе. Отражение в зеркале показало мне незнакомку, выглядевшую по моде девчонок Днище, моде, которую я раньше презирала. Но сейчас незнакомка мне очень даже нравилась. Топик подчеркивал мою тонкую талию, босоножки и короткая юбка — стройные ноги. Я казалась себе старше года на два. И почему раньше я всегда ходила как пацан?

— Чего-то не хватает. — Марина критически осмотрела меня. — Все, поняла.

Она порылась в комодке и протянула мне кусок ажурной ядовито-салатовой веревки.

— Что это? — не поняла я.

— Стринги. Не ссы, не ношенные. Мне малы, а тебе в самый раз будут.

— Зачем? Я в трусах.

Марина тяжело вздохнула.

— Твои не подходят. Так надо. Надевай.

Я послушно сняла свои простые черные трусы и надела

радиоактивные стринги, которые сразу вылезли над поясом юбки. Я собиралась их заправить, но Марина меня опередила: она наоборот подтянула ажурный пояс еще выше, расправила по линии так, чтобы кружева выпирали из-под юбки на сантиметр.

— Уши проколоты? — спросила Марина.

— Нет.

— Хм... Ничего, у меня есть клипсы.

Скоро мои уши украсили кислотно-розовые кольца.

Чуть позже я поняла, зачем Маринке надо было превращать меня в «секси-герл». Она, Настя и Алиса — из тех, кто трясется над своей репутацией и кому очень важно чужое мнение — конечно, не чье попало, а парней. Одежда, поведение и вообще, все, что девочки делали, было для того, чтобы привлечь внимание противоположного пола. А как этого добиться проще всего? Выглядеть сексуально. Вот для чего нужны были все эти мини-юбки и выпирающие стринги, — чтобы вызвать *любовь* (хе-хе, назовем это так). Девчонкам ее не хватало. Многие ведут себя так в свои четырнадцать-пятнадцать: стараются каждым шагом «примагнитить» любовь. Но не я. У меня был совсем другой подход, по крайней мере, мне так казалось. Хотя правду видно только со стороны, а то ведь каждый из нас что угодно про себя зальет. Но мне хотелось верить, что я не такая, как другие, что мне не нужна чертова любовь, если ее можно получить, только подлизываясь. Да, конечно, любовь нужна всем. И я в том числе в

ней нуждалась, но добиться ее желала иначе. Как, я еще не знала. А если от меня чего-то ожидали, я намеренно делала все наоборот. Да, это вызывало осуждение, но такой путь был моей свободой.

Так вот, если бы кто из знакомых увидел Марину в компании бесполого существа в линиях, мешковатых старых шмотках, ее репутация могла бы захромать. Потому и нужен был этот маскарад.

Мы направились к центру города, по дороге встретили Настю и Алису. Было страшновато ходить так открыто: в последнее время я перемещалась по улицам как пугливая крыса. Все мы были одеты одинаково: мини-юбки, топики и стринги кислотных расцветок. Хоть это все было не мое, но мне нравилось. Нравилось, что мы одинаковые. Я остро чувствовала свою принадлежность к новой касте.

— Дашка! Дашка! — раздался сзади голос. Оглянувшись, я увидела бегущего ко мне Тотошку. — Наконец-то я тебя нашел. Где ты была? Я тебе обзвонился, домой к тебе заходил, по гайону тебя ищу.

Я ничего не ответила, развернулась и пошла дальше.

— Кто это? — спросила Марина.

— Да так... Один знакомый.

Тотошка догнал нас и теперь шел с нами в ногу.

— Даш, ты чего? Ты куда? С кем это ты? И что это на тебе? — Он недоуменно смотрел на меня.

— Гулять, — холодно объяснила я. — У меня теперь новый

стиль.

— С кем? С ними?

— С нами, с нами, мальчик, — огрызнулась Марина. — С большими тетями она идет тусить. А ты иди в свою песочницу.

— Дашк, что с тобой? Ну куда ты? — спросил Тотошка жалобно. Но я была по-прежнему зла на него за бегство, и его скулеж не растопил мое ледяное сердце.

— Я догоню, — сказала я девчонкам и остановилась. Посмотрела на Тотошку.

— Я в свою новую компанию иду, ясно?

У Тотошки отвисла челюсть.

— В свою *что*? Новую компанию? А как же я?

— А ты иди туда, где шляется, пока Бык меня в люке топил. — Я опять развернулась.

— Он тебя что?! Топил? Дашк, да поговоги же со мной! — Он схватил меня за плечо, я сбросила его руку. Тошка остался сзади.

Я побежала догонять девчонок.

— Это нечестно, Сова! — услышала я за спиной. А потом раздался быстрый удаляющийся топот.

Вечер прошел не слишком весело. Взяв по коктейлю, мы отправились на старый стадион. Сидя на перекладинах уличного тренажера, мы пили и смотрели, как парни играют в футбол. Девчонки болтали про незнакомых мне людей, про ситуации, в которые я не попадала, про музыку, которую я

не любила. Мне было скучно, я ведь не могла жить без движения. В голове крутился вопрос — и только-то? Этим вы и занимаетесь целыми днями, сидите, как курицы на насесте? Это же уныло!

* * *

На следующий день моя обида поутихла, и я даже ответила на Тошкин звонок.

— У меня такие новости есть, упадешь! — прокричал друг в трубку.

— Да? И что за новости?

— Пойдем во двог, все гасскажу.

Вскоре, сидя на качелях, я поела мороженое, которое Тотошка мне купил на радостях, что я снова с ним разговариваю. Проходящая мимо молодая мама с коляской, посмотрев на нас и оценив эту идиллическую картину, улыбнулась. Да, наверное, сцена безумно романтическая: качели, мальчик, девочка, мороженое... о чем говорят эти двое? Конечно же, о любви!

— Сиги есть? — спросила я.

— Кончились.

— Жалко, ну, давай, толкай свою новость.

— Завтга кгупная стгелка в «Елочках». Будет человек сто. Нагод даже с Москвы подтянется.

— Да? А кто с кем?

– Наши антифа задели кого-то из московских бонов. Скины едут гасить Днище. Местные ссут, конечно, но антифа с Локотков и с ближайших станций обещали подтянуться.

– Круто! И... Ты что-то предлагаешь?

Впрочем, я уже знала, на что намекает Тотошка.

– Конечно! Мы пойдем смотгеть.

Быть зрителем во время чужих разборок — одно из самых ярких впечатлений в Днище. Собственно, больше тут нет почти никаких развлечух. Последняя крутая стрела была в прошлом году между пэтэушниками и технарями. Парни мочалились на пустыре за ткацкой фабрикой. Мы с Тотошкой издалека наблюдали. Эмоций осталась масса, все время вспоминали ту легендарную стрелку. Но, кажется, новая переплюнет ту по масштабу.

Ох уж это «Днище»... Ему только дай повод сравнить кого-то друг с другом. Скинов и антифа, коней и мясо, пэтэушников и технарей. Живем, как в глухой деревне в восьмидесятых. Это в наш-то двадцать первый век.

С одной стороны, я любила Днище, потому что у меня не было ничего другого. С другой — презирала, потому что где-то в глубине души понимала, что не так живут в других местах и не такие вещи должны приносить в нашу жизнь эмоции.

Глава 5

Стрелку забили в шесть. За три часа мы с Тошкой встретились, долго шли по рельсам, потом свернули на раздолбанную асфальтированную дорогу. Покореженные ворота. Ржавая табличка. Выбитая надпись «Детский оздоровительный лагерь “Елочки”». Повсюду, словно кубики по ковру, рассыпаны жуткие заброшенные корпуса. Тут бы фильмы ужасов снимать. Мы обошли территорию, пытались понять, где будет мясорубка, и сделали вывод, что махач пройдет на большой площадке перед главным двухэтажным корпусом.

Забравшись на здание, мы легли на крышу, спрятались за реденькими пробивающимися сквозь рубероид деревцами.

Антифа пришли первыми, человек двадцать-тридцать, потом подтянулось еще десять. Все были в спортивных костюмах, часть в «берцах», часть в ботсах. Мелькали приметные лица. Я узнала кое-кого из уличных группировок. Они стояли впереди: кто-то бинтовал руки, кто-то надевал кастеты и капы, кто-то крутил цепи, кто-то — монтировки. Заметила я и несколько панков.

Вообще, движение антифа в Днище довольно мощное. То-тошка показал мне Дуче — главного, из-за которого произошел скандал. Смуглый, коренастый, с квадратной башкой и скользким взглядом, Дуче лениво вертел в руке цепь и катал во рту жвачку. Я поежилась. Неприятный тип. Дуче —

сын какого-то крутого блатного чела, под которым с начала девяностых был рынок, несколько других палаток и автосервисов, а может, и вообще все Днище. Сейчас и сам Дуче вошел в дело, понятно, почему он антифа стал: рынок от бонов всегда страдал, много акций было.

В воздухе сгушалось напряжение. Сердце сильно стучало, страшно было так, будто это я стояла внизу и, бинтуя руки, готовилась к махачу. С крыши мы видели всех как на ладони. Я чуяла, будет что-то глобальное. Разглядывая лица, я вдруг поняла, что зря мы пришли сюда. Нужно было держаться подальше от разборок такого масштаба, наслаждаться стрелками между восьмым «А» и восьмым «Г» и радоваться своей насыщенной жизни. Ох, тянет наши жопы на приключения... Хотя ноги себе отрывай и дома сиди.

Вскоре по толпе пронесся невидимый разряд; я будто почувствовала вибрацию. Все вытянулись, замерли, посмотрели в одну сторону. Что они там увидели? На лицах — страх... и вдруг я услышала лай собак. По телу пробежала дрожь. Что тут делать собакам? Нарастающий гул вскоре перерос в хор голосов, и тогда я поняла: приближаются боны. Все кричали разом, я не могла разобрать слов, но нетрудно было понять, что людей много. Вскоре я увидела их. Будто рота солдат, ровными рядами в ногу шагали человек пятьдесят. Конечно, на самом деле все двигались хаотично и вразнобой, но мое воображение дорисовало картину, превратив толпу бонов в фашистскую армию.

В руках — биты. Впереди — заливающиеся лаем доберманы. Пять бойцовых рвались с поводков, рычали и лаяли. Было видно, что псам не терпелось разорвать врага. Люди шли, все как один с поднятой рукой. Раздавался хор:

— Один, четыре, восемь, восемь! Один, четыре, восемь, восемь!..

Слышать и видеть это было жутко, мне резко поплохело. Хотелось затечь под листы рубероида. Что, если нас заметят? Ведь и убить могут. Скормят своим псам. Растущая из крыши чахлая березка передо мной тряслась от ветра, но, казалось, сама я трясусь сильнее. Даже зубы стучали. Но я не могла не смотреть на приближающуюся роту: зрелище завораживало слаженностью, отточенностью (конечно, и тут сыграло роль мое воображение). Все боны были одеты одинаково, будто клоны. В каждом действии ощущались сила и жестокость. Эта толпа была будто мощная черная волна, разбивающая скалы. У антифа не оставалось шансов...

— Смотги, это главный их. Гжавый зовут.

Тотошка указал на здоровяка в центре первого ряда — он вел на цепи самого злобного добермана. У Ржавого была лысая башка, и, несмотря на рыжеватые брови и веснушки по всему лицу, он выглядел страшно и угрожающе.

Напряжение росло. Две стороны смотрели друг на друга.

На бонах были закатанные джинсы или камуфляжные штаны, все в «гадах» — дорогих мартинсах и гриндерах, никаких рыночных «берцев». Приехали из Москвы. Видно.

Доберманы уже почти захлебывались лаем. Они рвались так, что, казалось, цепи вот-вот лопнут. Я видела, что *наши* сторону псы тревожат. Чувствовала: они боятся. Многие жалели, что пришли сюда, как и мы. Это уже не игра. И мясорубка вот-вот начнется.

Я тяжело сглотнула и до боли вцепилась в отклеивающиеся листы рубероида. Господи, мне плевать, что сейчас под нами будет, сделай, пожалуйста, так, чтобы мы с Тотошкой выбрались из этого ада живыми. Больше всего на свете я хотела сбежать, но уже поздно. Мы заняли удобную позицию за низким бортиком — нас не тронут. Но если поползем назад к краю, нас точно заметят. Вот бы вернуться во времени минут на двадцать назад. Тогда бы я не лежала тут на крыше, смотря на бритоголовых убийц, и не тряслась.

В центр вышли двое главных: от бонов — Ржавый, от наших — Дуче. Я с тоской прикинула и поняла, что наших меньше на треть. И у наших нет доберманов. Хотя, почему я называю их «наши»? Дуче и его банду стоит обходить за километр, опасные ребята.

Дуче и Ржавый о чем-то трещали. По обе стороны от них стеной стояли люди.

Наконец главные разошлись. Дуче поднял руку, подавая сигнал... я вся сжалась и перестала дышать. В следующую секунду боны спустили с поводков доберманов, а потом две стены помчались друг на друга. Они столкнулись, сшиблись и мгновенно слились в месиво. Крик, гам, лай и визг. В воз-

дух, будто ядерный гриб, поднялось облако пыли.

Хотелось отвернуться. Это не была простая драка на кулаках, которую можно часто наблюдать на стрелках. Все повзрослому. Я пыталась разделить месиво передо мной на части, выловить взглядом хоть кого-то. Мне удалось это не с первой попытки. Я увидела бона в разорванной футболке, который бил хула битой в живот. Тут же кто-то полоснул этого бона цепью по спине, оставив на ней жуткий кровавый след. Удар в ребра — и бон рухнул на землю, хул и кто-то из дучевской банды стали бить его ногами. Я перевела взгляд в другое место. Бон носком «гада» ударил кого-то в голову. Справа человек в спортивном костюме повалил другого бона и бил по лицу. Под нами антифа замахнулся на бона цепью, тот отскочил и двинул нападавшему ногой в солнечное сплетение. Антифа согнулся, бон обрушил ему на спину биту, второй раз бита пришлась в живот. Ржавого и Дуче нигде не было видно.

В нос ударили запахи пыли, крови и пота. Кишки скрутило от страха. Тототшка лежал рядом ни живой ни мертвый. Ему было страшно точно так же, как и мне.

Я заметила, что боны со своим численным перевесом потихоньку стали теснить антифа. Все бы ничего... Но теснили они их к нашему корпусу. Если еще пять минут назад махач был далеко от нас, то теперь он весь переместился *под нас*. Кто-то залез в окно, бился внутри здания прямо под нами. Это стало опасным. Нас могли заметить.

Я стала искать глазами собак. Одна лежала за толпой дохлая, с проломленным монтировкой черепом. Другой доберман повалил кого-то из антифа — даже за общим шумом я слышала вопли. Остальных псов я не видела, но до меня доносились лай, рычание, крики боли. Удивительно, но никто не вопил *так*, получая удар цепью или битой. Так страшно люди орали, только когда до них добирались мощные звериные челюсти.

Тотошка дотронулся до моей руки, показал назад, кивнул. Я кивнула в ответ. Я знала, что он задумал. Теперь, когда весь махач развернулся под нами, появился шанс незаметно слиться. Мы осторожно проползли по крыше, будто по минному полю. Тотошка полез первым, по выступам и щелям в стене ловко спустился на асфальт. Здесь, с противоположной стороны корпуса никого не было. В двадцати метрах — ограда, за ней — спасительный лес.

У нас был шанс удрать. Но все планы полетели к чертям, когда возле Тотошки неожиданно, как из-под земли, вырос бон с битой, обмотанной колючей проволокой.

– Тотошка! Справа! — крикнула я с крыши.

Я в ужасе смотрела на происходящее. Откуда взялся этот тип? Его не было! Тотошка резко обернулся, и бон ударил его. Благодаря хорошей реакции друг успел отпрыгнуть, бита достала его лишь по ногам, но и этого хватило. Тошка упал, корчась от боли. Бон опять махнул битой, Тотошка увернулся, и удар взрыхлил землю.

Друг вцепился в свободную от проволоки часть биты и потянул ее на себя, умудрился даже врезать бону в пах. Парень согнулся пополам, дав Тошке возможность вскочить. Бон прыгнул на него, и, сцепившись, они покатались в сторону. Бита отлетела. Я пришла в себя. Что я смотрю, дура? Надо идти на помощь!

Одним прыжком я оказалась внизу, схватила биту, перемотанную по рукоятке изолентой. Бон прижал Тотошку к земле и занес кулак. Передо мной маячила бритая голова.

Не знаю, где в тот момент находились мой разум и способность логично мыслить. Думаю, они трусливо спрятались где-то в подсознании, уступив почетное место ярости, смелости и безрассудству. Я замахнулась и, с криком подлетев к бону, обрушила биту ему на голову — со всей дури, на какую способна. Я не думала о последствиях, только о том, что этот козел заслуживает наказания. Раздался необычный звук, будто треснул упавший арбуз. Бон тяжело рухнул на землю.

Я опустила биту. Тотошка отполз за здание корпуса. Вдруг я поняла, что вокруг стало необычайно тихо. Я посмотрела в ту сторону, где проходил махач.

Как-то незаметно мы с напавшим на Тошку боном оказались на открытом месте. Из эпицентра битвы нас хорошо видели и... застыли как вкопанные. Только некоторые, кто еще ничего не понял, дрались друг с другом. Но большинство людей смотрели лишь на нас, кто-то с удивлением, кто-

то — с ненавистью. Где-то рычали доберманы.

Что произошло? Почему все так уставились? Я перевела взгляд на бона подо мной. Я что, убила его? Широко раскрытые глаза смотрели в небо. Рыжие ресницы сверкали на солнце подобно золоту. Веснушки на лице сливались с каплями крови. Я зачарованно разглядывала бездыханное тело, растекающуюся из-под головы густую темную лужу. А бита пестрела багровыми пятнами — и ударная часть, и обмотка из колючей проволоки.

– Парни! Ржавого убили! — яростно заорали в толпе.

Как от очередного разряда напряжения, все загудели, зашумели, зашумели.

– Фас! — услышала я, а затем увидела мчащуюся на меня раскрытую красную пасть.

Сердце рухнуло вниз ледяной глыбой. Впереди мелькали ослепительно белые клыки размером с мои пальцы. Почему-то я подумала о Лангольерах, хотя нужно было думать о побеге.

– Валим! — крикнул Тотошка.

Не раздумывая больше ни секунды, я сорвалась с места. Мы помчались к ограде, перелетели через нее с ловкостью обезьян, а вот доберманы застряли в прутьях. Это дало нам несколько секунд форы.

Смешанный лес — самый неудобный для побегов, здесь повсюду мелкие колючие кусты, которые раздрают кожу в кровь. Мы понеслись к железной дороге. Скорее бы на смену

смешанному лесу пришел еловый, там бежать будет удобнее. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Легкие горели, ноги заплетались. За спиной слышались дикое рычание псов и разъяренные крики. Все пропало, нам не спастись. Если меня поймут, то скормят доберманам. Эта мысль придавала сил, и я помчалась быстрее. Незаметно исчезли кустарники под ногами, началась сухая мягкая тропа, усеянная хвоей. На ходу я вытерла рукавом пот, который застилал и щипал глаза. Больше всего на свете я боялась споткнуться о какой-нибудь корень и упасть.

Я заметила, что все еще сжимаю битую. Выбросить ее я не могла, пальцы будто приклеились к ручке. Может, и не надо? Если меня настигнут доберманы, будет маленький шанс отбиться.

Впереди замаячил просвет, за ним — железная дорога. Мы выбежали на открытый участок и помчались вдоль путей. Через минуту мы оказались под рельсами, у бетонного тоннеля — сточной трубы. Ее отверстие доходило мне до груди. Когда мы гуляли, здесь всегда была наша финишная точка: в этом месте мы устраивали пикники, лезли внутрь тоннеля, рисовали граффити. Два года назад краской из баллончика я написала на стене:

Сова + Тотошка = 100 % дружба

Сейчас надпись поблекла, ее давно нужно было обновить.

В тоннеле всегда пахло плесенью и сыростью, скапливалась вода — весной уровень поднимался, к осени ручей пе-

ресыхал и оставались лишь мелкие лужи. Сейчас воды было мне где-то до середины бедра. Согнувшись, мы с Тотошкой пролезли в тоннель и, набрав как можно больше воздуха, одновременно нырнули.

Я не дышала больше минуты. Грудь будто разрывало огромными когтями, но я терпела, хотела продержаться как можно дольше. Вынырнула я осторожно, чтобы не наделать брызг и шума; старалась вдыхать спасительный воздух медленно и глубоко. Собак не было слышно. Наш план сработал — толпа пробежала мимо. Вскоре вынырнул Тотошка.

Вылезать мы не спешили. Через некоторое время раздались шаги и приглушенные голоса. Я снова нырнула, но опустилась не полностью — и все услышала.

Люди топтались у тоннеля, но внутрь вроде бы лезть не собирались, что безумно радовало. Наконец кто-то заговорил — с отчаянием и яростью:

– Я клянусь. Всеми богами клянусь здесь и сейчас, что запомню лицо этого ублюдка, найду его и убью, даже если на его поиски уйдет вся жизнь.

Я еще ниже опустила голову, чтобы точно не выдать свое присутствие.

В легких разливалась адская боль, но я терпела из последних сил. Нетренированный человек может продержаться без воздуха несколько минут, а я держалась пока только полторы. Я справлюсь, я должна. Эти мучения не сравнятся с пытками, которым меня подвергнут боны, когда поймают.

Я снова вынырнула. Мы выждали минут пять. Больше не было слышно ни голосов, ни лая. Я осторожно встала, нащупала битую, подняла ее и долго разглядывала. Светлое дерево, вокруг основания накручены мотки темно-серой проволоки, усеянной зловещими острыми шипами, вокруг рукоятки — синяя изолента. Нет, не буду брать ее с собой. Я опять положила битую в воду. Здесь ее не найдут.

С Тотошкой мы вылезли из тоннеля, перебрались на другую сторону железной дороги и побежали по лесу перпендикулярно рельсам. Добравшись до частного поселка, расслабились, перешли на шаг. До дома добрались без происшествий. Всю дорогу молчали, сил обсуждать произошедшее не было. Больше всего на свете я хотела остаться в тишине, наедине с собой и как следует обо всем подумать. А главное, решить, что делать.

* * *

Домой я ввалилась через окно. Было около восьми, отец уже пришел, и не стоило попадаться ему на глаза в таком виде. Быстро сбросив мокрую грязную одежду, я переоделась в домашнюю секунд за десять до того, как в комнату вошла мама.

— О, ты уже дома? Как удачно. Пойдем на кухню, сегодня у нас будет первый семейный ужин.

— Какой ужин? — ошарашенно спросила я.

– Семейный. Мы будем ужинать всей семьей.

– Это как?

Мама закипала, но все же терпеливо пояснила:

– Семейный ужин — это когда все члены семьи собираются за обеденным столом на общую трапезу.

– Но... Это же глупость! — заныла я. Не хочу никаких семейных ужинов, только не сегодня! — Ну, мам... Мы всю жизнь ели когда и где кто хочет. Почему сегодня мы должны есть все вместе? Мы все даже на кухню не поместимся!

– Поместимся. Такие ужины очень важны для сплочения семьи и формирования добрых воспоминаний, — сказала мама заученную фразу, явно вычитанную в какой-то дурацкой книжке по семейной психологии.

Я с тоской поплелась на кухню. Мы с мамой нарезали салат, разложили по тарелкам котлеты с картошкой. Кое-как уместились на шестиметровой кухне вшестером. И вот, бодрым голосом папа спросил:

– Ну, у кого какие новости? Кто чем занимался? — Все молчали. — Хорошо, начнет папа. У меня два новых клиента в один день.

Никакой реакции.

– Это большая редкость, — добавил папа.

Никакой реакции.

– Так. Быстро похлопали папе, кто не похлопает, получит фирменных папиных люлей с маслом. — Папа вспылил.

– Где?? Я хочу! Я хочу люлей! И масла побольше! — вско-

чил Славик.

Я положила руку на голову братцу, заставляя его опуститься обратно на стул.

– Хлопай, Славик. Громче.

Мама задорно захлопала в ладоши.

– Ура! Поздравляем папу!

Славик, смотря на маму, тоже захлопал.

– Кто следующий? — спросила мама. — Смелее! Мы можем делиться радостями и неудачами прошедшего дня, помогать друг другу. Каждый может высказаться, а другие его выслушают и поддержат. Даша?

– Я убила главаря банды бритоголовых, — сказала я, меланхолично размазывая по тарелке картофельное пюре.

Повисла тишина. Через некоторое время мама бросила вилку и в сердцах сказала, обращаясь к папе:

– А я говорила, что ничего не выйдет. Даша всегда все портит, любую нашу идею поднимает на смех. Очень смешно, Даша! — Мама повернулась ко мне. — Из тебя так и лезет подростковое высокомерие, но не надо выплескивать яд при каждом удобном случае.

– Да ладно, ладно. — Я подняла руки в знак примирения. — Спокойно, мам. Я только за, поддерживаю эту вашу идею по сплочению семьи. Просто пошутила. Окей. Как прошел мой день? С Тошкой купались на речке, загорали, а потом ходили на поле собирать зверобой.

– Это хорошо, только не переусердствуй с солнцем, —

предупредила мама, обрадованная, что я играю по ее правилам. — Загар вреден для кожи. Оля?

— Дочитала «Гарри Поттера», — ответила сестра.

— Молодец! Катя? — спросил папа.

— У моей Барби вылетела нога. Пыталась ее вставить.

— Какая жалость. Ну ничего, мы ее починим. Славик? Как прошел твой день? — продолжил папа.

Славик стучал вилкой по тарелке.

— Я покакал!

— Правда? Это замечательная новость! Надя? — папа обратился к маме.

— Ходили со Славиком в банк, на почту, а потом в парк. Кормили уток. Там очень красивые утки! У них рыженькие перья. Скормили им целый батон. — Мама щебетала так восторженно, будто они со Славиком сегодня слетали на Мальдивы.

Все уткнулись в тарелки. Мама растерянно оглядела нас и продолжила наигранно бодрым тоном:

— Вот видите, правда, это прекрасно, ужинать всем вместе!

С учетом того, что папа вместе со стулом наполовину вылез на балкон, а я сидела в коридоре и поставила тарелку на тумбочку, все прекрасно.

Наконец мы получили официальное разрешение выйти из-за стола. Я повалилась на кровать. Воспоминания о сегодняшнем дне ударили по голове огромным молотом.

Все, что случилось, произошло не со мной, а с кем-то другим. Я будто сходила в кино на криминальный боевик. Я не чувствовала, что была там. Это сделал герой фильма, не я. Это не я расколола череп Ржавого. Не я убегала от доберманов. Мой мозг отказывался в это верить.

Я лежала без движения, задернув шторы, и тупо смотрела на потолок. Оттуда свисала тонкая нить паутины, на ее конце паук быстро перебирал лапками. Я тряслась, как в лихорадке. Внутри разрасталась паника. Хотелось выпрыгнуть в окно и бежать куда глаза глядят. Мышцы окаменели, нервы превратились в оголенные провода. Я была вся настороже, в напряжении, не могла расслабиться.

Паук висел прямо над головой, спускался все ниже — вот-вот приземлится мне на нос.

Что теперь будет со мной? Как пройдут следующие дни? Думаю, мне не стоит выходить из дома. Боны будут меня искать.

Паук сел мне на нос, пробежал по щеке и скрылся в складках одеяла. Мне плевать, я никак не реагировала. Ведь я труп.

* * *

Неделю я пряталась в своей берлоге, не выходила на улицу. Изредка лишь вставала с кровати, чтобы пройти на кухню и сделать бутерброд. Мы перезванивались с Тотошкой,

друг тоже ссал выходить из дома. Звонила Марина, ей я сказала, что приболела.

Мне снились кошмары — будто меня преследует стая разъяренных псов. Я убегала от них, но они были быстрее. Псы настигали меня, валили на землю и рвали в клочья. Это было больно, черт, вроде бы сон, но так жутко больно. Я чувствовала, как мощные челюсти прокусывают щеку, как отрывают от нее кусок. Другие грызли мне пальцы, я слышала треск костей и сухожилий. Просыпалась я резко, в холодном поту и с головной болью, и еще долго не могла заснуть.

Знаете, а ведь осознание того, что ты убийца, приходит позже. Это не острое резкое чувство, а тупое оцепенение, накатывающее волнами. В момент, когда я убила, мне было не до философии. Предстояло срочно уносить ноги, пока псы не разорвали на части, а боны не затоптали своими мартинсами то, что от меня останется. И всю неделю потом меня не мучили угрызения совести, вместо них душил страх, не давала покоя мысль — вдруг все узнают? Боны, родители, милиция. Что со мной будет? Это больше всего меня волновало.

Вдруг сейчас в дверь постучит мент? Вдруг в окно прилетит камень, пущенный бонами? Город хочет крови, моей крови. Я пряталась, как крыса. Вдруг меня поймают? Когда меня поймают? Вдруг запомнили мою внешность, найдут? Вдруг они сейчас идут по моим следам? Страх неминуемого наказания сводил с ума.

Когда в последующие дни на улице кто-то смотрел на меня, сердце падало в пятки. Он знает, точно знает, иначе бы не стал смотреть. Видя проезжающую милицейскую машину, я вся дрожала и жмурилась. Она за мной. На меня наденут наручники и заберут меня в тюрьму. Но сильнее всего был страх мести бонов.

Как теперь жить, я не знала. Я будто стала роботом: вставала, завтракала, тенью слонялась по дому, снова засыпала. Ходила невыспавшаяся, напуганная, ничего не соображала. Краски жизни поблекли, остался голый страх. Я почти все время проводила в одеяле, завернувшись в него, как голубец в капустный лист. Слышала только Олин голос в коридоре:

— Мама, с Дашкой что-то не так... Не шевелится. Потрогай ее лоб, может, она умерла?

Зарядка на телефоне села. Не было сил даже воткнуть в телефон провод.

В воскресенье днем раздался деликатный стук в дверь.

— Кто там? — спросила Олька, перелистывая страницу книги и разворачивая очередную конфету.

Я узнала бы *его* из тысячи человек по одному шуршанию одежды. Когда он стеснялся и нервничал, то беспокойно мял край своей футболки. Это был особый звук, я не могла его спутать ни с каким другим.

— Сова? Сова, ты чего? Оль, чего с ней?

— Она умерла, — сказала сестра, жуя конфету.

— Как умерла? — Голос Тотошки упал. — Не может быть.

– Потыкай ее. Мы с Катькой тыкали, она не шевелится. Мама приходила, не тыкала, но разговаривала с ней. Дашка не отвечает. Думаю, что она умерла.

– Хм... Такая жага стоит, что, если б умегла, труп за несколько дней стал бы жутко вонять. Чувствуешь что-нибудь? — Я услышала, как Тотошка зашмыгал носом.

– Неа, — раздалось Олькино сопенье.

– Значит, живая пока. Сова! — Он хлопнул меня по спине. — Пгекгащай давай комедию ломать. Ты не сдохла и нечего пгитвогаться. Мы с Олькой гаскгыли твой обман. Давай, вставай.

– Зачем?

– Ну, может, потому, что жизнь пгодолжается?

– Это ненадолго, — мрачно сказала я.

– Ничего не ненадолго. Из любой ситуации есть выход, надо пгосто его найти. Пойдем, подышим воздухом. Что-нибудь пгидумается.

Откинув одеяло, я развернулась и посмотрела на Тотошку.

– Тебе легко говорить, не тебя обещали грохнуть. Ты спокойно можешь прогуливаться по городу и даже громко напевать песенки. Всем до фонаря будет.

– Пойдем на кгыше посидим. Там тебя не увидит никто. Вместе обмозгуем, что делать дальше.

Я все же пошла. И, уже сидя на крыше Тошкиного дома, сказала:

– Блин, еще неделю такой жизни, и я с ума сойду.

– Не, так жить нельзя. Надо что-то гешать.

– Я знаю, что нельзя поддаваться панике, нельзя спрятаться от проблемы таким способом, а то скоро свихнешься. И я решила. Завтра я выйду в город. И плевать, что будет. Плевать, что меня поймают. Я так больше не могу. Будь что будет. Вот прям сейчас пойду... Чувствую, что меня переполняет смелость!

Я расхрабрилась и встала, покачиваясь.

– Тебя сейчас наполняет не смелость, а две банки самого отвратительного коктейля, котогый я когда-либо пгобовал в жизни.

– Пока не полные две! — Я задрала голову и допила остатки. Бросила перед собой очередную пустую банку. — А вообще, неважно! Я все решила. Я сейчас пойду и...

Тошка дернул меня за рукав.

– Стой, тупогылая ты кугица. Так дело не пойдет. Надо действовать хитгее. И, кажется, я нашел выход. Слушай.

Глава 6

Мы с Тотошкой сидели на лавочке у турников, курили и щелкали семечки. На мне были мамина огромная панама, солнечные очки и свободный летний сарафан. Веки я густо подвела зелеными тенями, а губы накрасила ярко-розовой помадой. На землю падал окурочок за окурочком, меня всю коло-тило. Мне постоянно слышался собачий лай. Казалось, вот-вот из ближайших кустов выпрыгнет доберман. Я была уве-рена, что псы знают мой запах. Они, как механические твари из книги «451 градус по Фаренгейту», искали меня, шли по моим следам.

– Ты похожа на черепаху Тортиллу, — сказал Тошка.

– Мне плевать. Главное, что сейчас я не похожа на пацана, который битой раскроил череп главаря банды скинхедов.

У турников тусовались качки — играли в лесенку.

– Что мы будем делать, Тошк? — спросила я, поглядывая на них и сплевывая шелуху под ноги.

– Ну, мне кажется, мой план вполне габочий. В таком виде тебя не узнают.

– А если кто-то запомнил *тебя*? Как нам быть? Они пой-мают тебя и будут пытать до тех пор, пока ты меня не сдашь.

– Ну, может, у твоей мамы найдется для меня еще одна миленькая панамка?

Мы прыснули. Смех подействовал на меня как лекарство,

мигом прогнав страх.

Вечером я оставила Тошку и ушла с девчонками. Марина снова поколдовала над моей внешностью, сделала макияж и прическу и повела меня в свою компанию. Мы проходили по центру города, большое скопление людей неприятно давило. Меня будто на казнь тащили. Хотя я была в девчачьем облике, все равно казалось, что все вокруг смотрят на меня, сейчас кто-нибудь ткнет пальцем и закричит: «*Это она! Это она!!!*»

Свернув, мы пошли по узкой тропинке мимо кустарника и деревьев. Далеко от чужих глаз в зарослях шиповника пряталась автобусная остановка. Когда-то она, как полагается, стояла на дороге, но автобусы перестали ходить по этому маршруту, и остановка ржавела без дела, пока компания панков не нашла для нее более подходящего места.

*...Границы ключ переломлен пополам,
А наш батюшка Ленин совсем усоп.
Он разложился на плесень и на липовый мед,
А перестройка все идет и идет по плану...*¹

Из ржавой коробки доносилась «Гражданская оборона». У меня сбилось дыхание, а ладони вспотели, когда еще шагов через двадцать я услышала голоса и... Смех, боже, его мерзкий смех. Я дернулась в сторону. Бежать, бежать! Но

¹ Текст песни «Все идет по плану» группы «Гражданская оборона».

вместо этого я шагнула вперед. Вся исписанная граффити с одной стороны, с другой остановка была черной, будто опаленной. Когда мы подошли совсем близко, я спряталась за спину Марины.

– Всем приветик! — весело сказала она.

– О, какие люди, здорово, девчонки.

В компании было человек семь, почти все парни, девчонки только двое. И *он* там. С дерзкой улыбкой смотрел на новоприбывших.

– А кого это вы там такого красивенького прячете? — весело спросил Бык.

Марина развернулась и выпихнула меня в центр.

– Это Дашка, она с нами.

Бык посмотрел на меня оценивающе, как на товар: оглядел с ног до головы, будто трогая глазами, и присвистнул. Фух! Не узнал.

– Ну, привет. Ты чья?

Я растерянно посмотрела на Марину. Все засмеялись. Она обняла меня, улыбнулась.

– Ничья она, Бык. Но не обольщайся, твоей сегодня не будет.

– Ну, это мы посмотрим.

Он протянул мне огромную, будто лопата, ладонь. Я неуверенно пожала ее, хотя от страха кишки скрутило тугим узлом. Конечно, это не то же самое, что попасться тому бону, который поклялся мстить за Ржавого, но все равно меня

пробил недетский стрем.

— Лицо у тебя знакомое. Где я тебя видел? Ты с какого района?

— С пятаков. Может, и видел где. — Я старалась, чтобы голос звучал беззаботно. Бык по-прежнему не узнавал меня, но неизвестно, сколько продлится эта игра.

Зазвенели бутылки — разливали. Все пили водку и запили ее пивом. Мне тоже протянули два стакана. Девчонки рассосались кто куда: Марина села на колени к какому-то парню с бесцветными волосами, Алиса устроилась на лавочке, а Настя подошла к одному из панков. Вот черт. Я осталась без поддержки.

Все пели, вопили, ревели, прыгали, болтали на темы, мне незнакомые. Обсуждали каких-то людей, смеялись над непонятными шутками, пытались перекричать музыку. На смену «Гражданской обороне» пришел «Король и Шут».

Бык стоял рядом и с интересом меня разглядывал.

— Чего? — спросила я, недовольная тем, что на меня пялятся.

— Классно выглядишь. Тебе идет этот топик. И прическа супер.

— Это Маринкины шмотки. И прическу она делала. Скажи ей спасибо, — сказала я и допила водку. Пиво кончилось, но Бык протянул мне свой стакан. Я сделала несколько больших глотков. Бык выпил водки, а вместо заправки занюхал своей футболкой.

— Ау? Есть кто дома? — раздался голос.

К остановке приближались несколько человек. Музыка приглушили. Компания напряглась. Ясно было, что гости — не друзья, им не рады. Оглядев пятерых подошедших парней, я узнала кое-кого из банды Дуче. Были ли они на *той* стреле? Я не помнила их.

Бык вытянулся, подобрался. Вообще он казался грозным только малолеткам вроде меня, людей покруче — типа дучевских — сам боялся до смерти, никогда не нарывался. Дницевские панки всегда были мирными, держались в стороне от крупных разборок.

Гости протянули панкам руки, поздоровались.

— Случилось что, Егорыч? — спросил кто-то из компании.

— Парнишку ищем, — сказал один из антифа и протянул лист бумаги.

Все по очереди стали его рассматривать. Я нервно переминалась с ноги на ногу. Что же там? Боже, как я хотела вырвать бумагу из рук! Как назло, панки слишком медленно передавали ее друг другу. Я вся извелась, пока лист, наконец, дошел и до меня. Я глянула — и мое сердце упало.

Фоторобот. Мой, блин, фоторобот! И большая красная надпись, а под ней — текст:

ВНИМАНИЕ, РОЗЫСК!

Следственными органами Московской области разыскивается опасный преступник, который 1 июля 2002 года совершил убийство 23-летнего Алексея

Гвоздева.

Приметы разыскиваемого:

Юноша, на вид 16–18 лет, худощавого телосложения, рост 160–165 см. Внешность европейского типа. Волосы короткие, светлые. Нос маленький, вздернутый. Глаза серые или голубые. Подбородок острый, треугольный.

Был одет в синюю футболку и джинсовые шорты.

Всех, кто располагает какой-либо информацией о преступнике, просим позвонить по телефону...

Я со страхом разглядывала фоторобот. Похоже на меня или нет? Мне самой казалось, что не особо, но если взглянуть со стороны?.. Ох, я в полной жопе. Меня искали все, кому не лень.

Кто-то присвистнул.

– А кого он замочил?

– Ржавого. Когда мы на стреле были с московскими бонами.

– Ни хрена себе! Это вот этот вот загасил Ржавого? — удивился один из панков и указал на меня. Я вздрогнула и задержала дыхание, не сразу поняв, что указывают все же не на саму меня, а на лист в моих руках. Меня отпустило. Имя Ржавого было у всех на слуху. Одна я узнала о нем только в день, когда снесла ему башку? — Как можно замочить Ржавого? Мне кажется, анриал. Он столько жестких махачей пережил.

– Мы все в шоке были. Пацан мелкий, щуплый. Битой его

добил. А главное, хрен знает, откуда он свалился. Он не наш. Как будто с неба упал. Мы его не видели, раз — и он уже разносит черепушку Ржавого.

— Молодец, пацан, — сказал другой панк с уважением. Новость компании явно понравилась; видимо, никто здесь не выносил ни Ржавого, ни его скиновскую банду. — А вам что до парниши?

— Дуче ищет его. Защитить хочет.

Я сглотнула подступивший к горлу ком. Парень продолжил:

— Боны прочесывают все Днище. Тоже ищут его. Найдут — четвертуют. Говорят, какая-то шмотка его у них. Они теперь с доберманами ходят, по запаху натаскивают их. Так что пацан не жилец, если Дуче не поможет. А он готов помочь. Без пацана нас всех положили бы, бонов больше было. А как Ржавого загасили — так сразу остановили бой. Мы в долгу.

У меня подкосились ноги. Шмотка! Вот черт... у меня была толстовка, когда мы с Тотошкой шли к лагерю, а потом... я оставила ее на крыше и забыла. Боны нашли кофту. Черт... Теперь даже маскарад не поможет, псы рано или поздно возьмут мой след. Все как в кошмарах.

Знаете, мне всегда было страшно прожить жизнь невидимкой. Никем. Хотелось оставить след в истории, чтобы меня помнили, любили, уважали. Кажется, я это сделала, мой след — проломленная башка Ржавого. Уличные банды Днище будут из поколения в поколение передавать легендарную

историю о дне, когда неизвестный пацан спас задницу Дуче. Но, черт, не такой след мне хотелось оставить!

— Ха, Дашка! А он на тебя похож, этот пацан.

Я очнулась от мыслей. Бык стоял рядом и смотрел то на меня, то на фоторобот. Парни Дуче тоже заинтересованно меня разглядывали. Сердце оборвалось, ноги стали ватными. Что ответить? Как себя повести? Посмеяться или показать, что я обиделась? Но пока я размышляла, антифа, убедившись, что я — девчонка, а Бык всего лишь шутит, перестали обращать на меня внимание, и я выдохнула.

— А где вы взяли этот фоторобот? — спросила я.

— Да они сейчас много где расклеены. На вокзале, у магазинов, на заборе вдоль дорог. Мусора в это дело вмешались, кто-то настучал.

Просто потрясно. Моя рожа на всех заборах с огромной красной надписью «Внимание, розыск!». Да я просто звезда!

Дучевские парни вскоре свалили. Зато подошли новые панки, у каждого было по баллону пива и по бутылке водки. Их появление в компании встретили бурными возгласами. Врубили музыку погромче, подставили стаканы. Все сразу забыли об антифа, которые пришли, поболтали и ушли. Все опять пили, орали и прыгали.

...Ели мясо мужики, пивом запивали.

О чем конюх говорил, они не понимали...²

² Текст песни «Ели мясо мужики» группы «Король и Шут».

И только я одна никак не могла выбросить случившееся из головы.

Накатила волна ярости. Я взяла пустую водочную бутылку, подбросила и со всей дури ударила носком «гада». Бутылка разбилась вдребезги. Да что ж за жизнь-то такая? Не жизнь, а ползание в вонючих кишках дохлой коровы. Когда уже я найду этот гребаный выход?!

Без двадцати одиннадцать я стала собираться домой. Маринка поцеловала меня на прощание.

— Приходи сюда завтра. Будем ждать.

Я неопределенно кивнула.

— А я тебя провожу. — Бык подошел ко мне.

Я испуганно сказала:

— Да я лучше сама...

Мне не хотелось, чтобы Бык узнал, где я живу. Вдруг под предложением проводить он подразумевает что-то другое? Например, хочет второй раз засунуть меня башкой в дерьмо?

— Не, я провожу.

Отговориться я не смогла, и мы пошли к моему дому. Кто бы мог подумать — я и Бык! Бык, который топил меня в канализации, провожает меня! Когда мой мир успел перевернуться? Всю дорогу Бык трещал о какой-то фигне, но я не слушала его: погрузилась в себя и думала о своих проблемах — о дучевской банде и фотороботе.

Уже возле подъезда Бык спросил:

– Придешь к нам завтра?

– Может быть.

– Приходи. Буду ждать. — Он протянул мне кулак, больше похожий на утюг. Я слегка стукнула своим кулаком по его костяшкам. Ау! Это больно.

– Ты классная девчонка, Даш. Расстроюсь, если не придешь. — Он обвел взглядом мою фигуру, подмигнул и ушел.

Я еще несколько секунд стояла с открытым ртом, глядя Быку в спину. Он что, сделал мне комплимент? Собирается меня склеить? Да ну! У тебя мания величия, Сова. Иди домой. И все-таки... кажется, я выигрываю эту игру. Бык не узнает меня. В его огромной башке просто не может появиться мысль о том, что пацан, которого он ищет, вовсе не пацан.

Может быть, если эта проблема решилась так легко, то и другая вскоре решится? Боны забьют на поиски, и я смогу наконец вздохнуть свободно??

* * *

На следующий день, в Маринкиных шмотках, маминой панамке и темных очках, я ввалилась к Тотошке в окно.

– Пошли до рельсам. Поговорить надо.

По дороге к нашему тоннелю, идя по шпалам мелкими шажками, я рассказывала другу обо всем — об антифа, припершихся к панкам, о Дуче, который меня ищет, о бонах и

доберманах. Я протянула Тотошке смятый лист — мой фоторобот, содранный со столба на автовокзале.

— Я б не узнал, честно. Совсем не похоже. — Тотошка вернул мне листок.

Потом я рассказала о том, как Маринка привела меня к панкам и на месте их тусовки я столкнулась с Быком. Моя история закончилась тем, как Бык проводил меня домой.

— Он клеит тебя! — возмутился Тотошка.

— Уж лучше так, чем гоняться за мной с криками «Убью, совиный выродок!».

Тотошка сердито запыхтел себе под нос.

Уровень воды в тоннеле снизился: ее было по колено. Из Тошкиного рюкзака я достала баллон с красной краской, который мы всегда брали с собой, мало ли что придумаем. Я сняла обувь и полезла в тоннель, Тотошка — следом. Я подошла к надписи «Сова + Тотошка = 100 % дружба», немного подумав, зачеркнула 100 и написала сверху 70.

— Эй, за что? — возмутился друг.

— За то, что кинул меня тогда с Быком. За то, что боны охотятся на меня, а не на тебя. В общем, за то, что все дерьмо этого мира льется почему-то на меня, а не на тебя. На тебя же, лохматая сволочь, всегда льется дождь из одних ромашек и леденцов.

— Но я ж не виноват!

— Мне по фиг. Живи теперь со своими семьюдесятью процентами.

Я села на корточки, пошарила в воде и вытащила битую. Бордовые пятна въелись намертво, так и не отмылись. Проволока заржавела и стала ярко-рыжей.

— Надо закопать ее, — сказала я.

Мы зарыли битую под елкой перед тоннелем.

— Куда ты сегодня, опять к ним? — ревниво спросил Тотошка по дороге назад.

— Ага. В городе нам не надо вместе появляться. Да и с панками мне чуть спокойнее, чем одной или когда мы вдвоем. Их много. Скины в Днице почти вымерли, Дуче их сильно прессовал, так что панков сейчас никто и не трогает.

— Не понимаю, как ты с ними тусуешься, они же тупые.

— Зато с ними безопасно. А ты чего будешь делать?

— На «собаку» пойду, кататься.

На том мы и расстались.

* * *

Закопченные стены, грязь. На улице зарядил косой ливень, и вся наша тусовка перебежала с любимой остановки в подъезд. Пашка на подоконнике играл на гитаре, я ему подпевала. У меня в руках были банка пива и спички, которыми я баловалась, оставляя на штукатурке черные горелые кружки. Пролетом выше на подоконнике сидела Маринка со своим парнем Ваней. Если бы Пашка перестал играть, мы бы слышали, как они там целуются, а может, уже и не только.

Я в этой компании второй раз и наконец-то стала кого-то запоминать, а то знала только девчонок и Быка. Теперь вот выяснилось, что есть Маринкин Ваня, который работает в тарном цеху на конвейере, — по мне, так не симпатичный: крепкий, а вот лицо как у мартышки. Волосы блеклые, кожа в каких-то пятнах — не то веснушки, не то болезнь. Еще есть Пашка, который с гитарой, прикольный. Лицо приятное, глаза темные, почти как у Тотошки. Волосы не разобрать, какого цвета — слишком короткие. Голос завораживающий. Вообще Пашка располагал к себе. Он недавно вернулся из армии, поэтому в его репертуаре столько армейских песен. Эти трое в тусовке постоянные — Бык, Ваня и Пашка, остальные приходят-уходят: появятся на пару часов и свалят. Таких много, их я еще не запомнила.

Алиса и Настька сегодня не появились, из девчонок — я да Маринка. Бык был в игривом настроении: топтался вокруг меня, не давал скучать. То пихнет в шутку, то скажет что-то смешное, то даст стаканчик, то отнимет, то схватит меня и поднимет высоко в воздух — я визжала, было страшно, что уронит.

– Не бойся. Тебя — никогда не уроню. Сам упаду, но тебя держать буду.

Вообще, он вроде был ничего. Но во мне еще крепко сидела обида.

И все равно мне было скучновато, я не любила подъездные тусовки. У меня развивалось что-то типа клаустрофо-

бии, сразу становилось душно и давили стены. А вот настроение, несмотря на дождь, было позитивное.

Прошло полторы недели с той стрелы, а меня еще не поймали. Конечно, вряд ли боны перестали прочесывать Днище. Они не успокоятся. Я подозревала, что с каждым днем они только звереют, но... чувствовала себя лисой, которая ловко смогла убежать от охотников.

Я умнее и хитрее. Вам меня не поймать.

* * *

Следующим утром мы с Маринкой поехали на вещевой рынок. Я все еще носила то, чем она со мной щедро поделилась, но пора было прикупить и что-то свое. Тряпки продавались за овощными палатками: где-то ими торговали на сборных прилавках, где-то на табуретах, а где-то и просто на земле, на картонках. Пока Марина выбирала себе футболку и платье, я тоже разглядывала китайскую одежду и обувь. Наконец меня заинтересовал один прилавок, весь увешанный особенно мрачными, темными вещами.

Я схватила черную прямую джинсовую юбку, пышную юбку-сетку серого цвета, черную тунику с заклепками и несколько топики. Со всем этим я и ушла в примерочную, если можно было так назвать застланную грязным картоном нишу за спиной продавщицы. Организовали эту «примерочную» между грудками челночных мешков, а в маленьком мут-

ном зеркальце с отколотыми краями я могла увидеть либо свои ступни, либо руки, либо шею — все по отдельности. И тем не менее я убедилась: шмотки сидят как надо.

— Беру все! — Я сложила перед продавщицей гору вещей.

В этот же день мы с компанией отправились на электричке на озеро. Собралась все та же тусовка. Ехали в тамбуре. Чтобы сюда проникал воздух, мы засунули между дверями пивную бутылку. Я с успехом пролезла в образовавшуюся щель, наполовину высунулась наружу. Ветер бил в лицо, почти невозможно было вдохнуть. Но все равно это было непередаваемое ощущение.

Выйдя из электрички, мы нырнули под платформу и прошли в сторону озера, разложили вещи у бетонной пристани недалеко от огромной мусорной кучи. Парни за секунду разделись и побежали по берегу. Я успела только стянуть топик, — а они уже сиганули в воду.

Раздевшись, я побежала по пристани и, нырнув в воду бомбочкой, подплыла к остальным. Мы плескались и топили друг друга. И тут ко мне вдруг подобрался Бык, сгреб меня в охапку и понес на берег.

— Пусти! Что ты задумал? — завизжала я.

Он забрался на пристань и пошел к краю. Да он же сейчас бросит меня в воду! Нет!

— Отпусти! — брыкалась я. — Не хочу! Не надо!

Но Бык только засмеялся.

— Готовься, сейчас прыгнем!

Я успела только зажать нос, и он вместе со мной на руках сиганул в озеро.

— Ты придурок, Бык! — Я выплыла на поверхность и еще долго плескала в Быка водой.

Замерзшие, голодные, мы наконец вышли на берег, разложили припасы. Водка, сок, пирожки Ваниной бабушки, сухарики, хлеб, паштет, огурцы и сосиски — прямо королевский пир! Мы пили и пьянели, потом купались и трезвели. Снова пили. Потом играли в карты.

— А давайте на раздевание? — предложил Бык.

— Очень смешно, — буркнула Маринка, оглядывая всех. — Сыграть мы сможем только один кон, и сразу найдется проигравший.

Когда стало прохладно, развели костер. Пашка играл на гитаре, а мы прыгали через огонь. Ванек упал, голым боком приложившись о раскаленные угли. Следующие десять минут Маринка скакала вокруг него и причитала. Ванек выпил залпом стакан водки, это подействовало как хорошая анестезия, и он снова повеселел.

Потом мы сидели на пристани в ряд, свесив ноги. В центре — Пашка с гитарой. Справа от меня — Бык. Небо заволкло противными свинцовыми тучами. Резкий порыв ветра поднял мусор.

Мы пели под гитару и смотрели на мусорный вальс. В воздухе кружили обрывки газет, листья и пакеты. За ними, догоняя, катились по земле шприцы.

*Мусорный ветер, дым из трубы,
Плач природы, смех сатаны,
А все оттого, что мы
Любили ловить ветра и разбрасывать камни.³*

По макушке ударила большая капля, а через пять минут дождь превратился в хлещущий ливень. Прятаться было некуда, так что Ваня пошел к мусорной куче и вернулся с огромным куском пленки в руках. Мы сели еще теснее, почему-то я оказалась у Быка на коленях — к огромному его удовольствию. Мы натянули пленку над головами, подлили водки в стаканчики.

Несмотря на мерзкую погоду, уходить не хотелось: на душе было легко и свободно, в объятиях Быка — сухо и тепло. Он прислонился губами к моей щеке, его дыхание грело кожу. Я повернулась к нему, и в следующую секунду наши губы встретились. Целовался он очень нежно. Я открыла глаза, не прерывая поцелуй, посмотрела на дождевую рябь на воде и почему-то представила хмурое лицо Тошки.

³ Текст песни «Мусорный ветер» группы «Крематорий».

Глава 7

Проснувшись, я долго не могла понять, где я, потом дошло: дома у Тотошки. Как я тут оказалась? В комнату вошел друг — в одних трусах и в фартуке. В руках была большая миска с венчиком.

– Наконец-то! Вставай, помоги мне с оладушками...

Я послушно встала. На кухне я разбила в миску яйца, добавила муку, разрыхлитель и сахар. А Тотошка уже переворачивал на сковороде первую партию оладий.

– Как я к тебе пришла? Что было вчера? — спросила я с ужасом. — Ничего не помню. Последнее, что помню... Фу! Как я целовалась с Быком!

– Ты целовалась с Быком? — Тошка сделал испуганные глаза и изобразил рвотный позыв.

– Это все водка. Блин, а что было потом?

– Ты позвонила и напгосилась ко мне с ночевкой. Тебя твои до подъезда пговодили.

– А мои предки в курсе?

– Ага, ты им от меня позвонила.

– Не запалили?

– Нет, у тебя голос ногмальный был. Ну, собственно, и конец.

– А где были твои родители?

– Дома. Но я у них спгосил, можно тебе остаться, и они да-

ли добго. Только по газным комнатам. Твоя мама позвонила моей и уточнила, где ты будешь спать. — Тошка покраснел.

Я захихикала. Родители упорно ищут в нашей дружбе какой-то подвох.

— А ты чего так смущаешься? Я что-то натворила?

Тошка нахмурился и покраснел еще сильнее.

— Да так, болтала всякие глупости.

— Какие именно?

— Что-то о своей неземной любви.

— К кому?

— Ко мне.

Тотошка выложил на тарелку оладьи. Я улыбнулась, обняла его и быстро чмокнула в щеку. Отстранившись, заметила, что теперь его волосы все в муке.

— Но ведь я и правда тебя люблю. И в этом нет ничего постыдного.

— Люблю, не люблю, — заворчал друг. — Завязывай уже со всеми этими девчачьими глупостями. Взбила? Давай сюда миску.

Вскоре с огромной тарелкой оладий и дымящимися кружками ароматного кофе мы отправились в Тотошкину комнату. Когда друг ушел за салфетками, я подошла к полкам с дисками и стала вытаскивать их один за другим.

— Что у тебя есть новенького посмотреть? — крикнула я.

— Была пага свежих фильмов, глянь в когобке между полками и кговатью, — крикнул он из коридора.

Я нашла какую-то коробку и, поставив ее на кровать, собралась открыть.

— Нет, это не та! — в ужасе закричал Тотошка, застыв в дверном проеме.

— А что там? — Его реакция пробудила во мне любопытство.

— Ну... госто не стоит смотреть эти фильмы.

— Что там, порнушка?

Тошка подлетел ко мне, вырвал коробку из рук и куда-то унес. Я захихикала. Точно порнушка! Ха! И как только я уйду, он ее понадежнее перепрячет.

Вернувшись, друг порылся за кроватью и достал уже другую, правильную коробку. Я стала перебирать фильмы.

— Давай посмотрим этот? — Я показала ему обложку. Он кивнул.

Мы смотрели «Братву и кольцо» — «Властелина Колец» в переводе Гоблина, уминали оладьи и пили нереально вкусный кофе. Мы так смеялись над фильмом, что после просмотра решили разыграть особо запомнившиеся сценки. Зайдя за диван, Тошка схватился за спинку и стал изображать Пендальфа. Произнеся коронное: «Тикайте, хлопцы, I'll be back», друг скрылся за диваном. Я каталась по полу от смеха и заставила Тошку изобразить сценку три раза подряд на бис.

Я проторчала у Тошки весь день, а когда совсем стемнело, пошла домой.

Прошло три недели с тех пор, как у меня появилась своя компания. Я гуляла то с ней, то с Тошкой, но эти две дружбы я всегда разделяла.

В один из дней Маринка сказала, что один парень зовет нас на крутую вечеринку.

— У него такой дом... Там и сауна, и бассейн, и бильярд, представляешь?

Это звучало действительно круто. Вместе с Маринкой, Алисой и Настей я побывала уже на четырех вписках, и каждый раз это были тесные убогие квартирки; большой пафосный дом — такое в первый раз. Нужно было собираться.

Я сорвала ярлык с черной туники. Немного неудачная вышла покупка: я любила однотонные кофты, а здесь была узкая белая полоска на рукаве. Взяв черный маркер, я закрасила ее, потом ножницами сделала на рукавах надрезы. Надела кофту, просунула в отверстия большие пальцы, сверху натянула серую футболку. Мне надоело ходить раскрашенным попугаем, как Марина. Я решила выработать собственный мрачный стиль.

— Куда-то собираешься? — Мама заглянула в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.